

Scientific center «LJournal»

**Collection of Scientific Papers
based on the results of an XIX international scientific conference**

General question of world science

**January 15, 2023
Vienna, Austria**

Vienna, 2023

Collection of Scientific Papers based on the results of an XIX international scientific conference « General question of world science»
January 15, 2023, Vienna, Austria, - 40 pages.

doi: 10.18411/gqws-01-2023

The collection of scientific papers General question of world science is formed based on the results of the scientific and practical conference of the same name, which has traditionally been held by the organizers since 2017 and is a very important scientific event for dozens of scientists from different countries and cities.

Covering a wide geography of its holding, the General question of world science conference allows scientists from Russia and all over the world to present their scientific research at a high international level.

The information published in the collection is presented in the original version. Spelling and punctuation preserved. Responsibility for the information presented to the public lies with the authors of the materials.

Metadata and full texts of journal articles are transferred to the ELIBRARY scientometric system.

Electronic layouts of the edition are available free of charge on the website of the Scientific Center "LJournal" - <https://ljournal.org>

CONTENTS

SECTION I. PEDAGOGY	4
Ефимова О.В. Работа логопеда в дистанционном формате: опыт, проблемы, перспективы ...	4
SECTION II. PSYCHOLOGY	8
Priputnevich D.N., Zolotareva M.V., Priputnevich E.D., Samsonov A.S., Lozhkina M.E. Assessment of the impact of social networks on the level of anxiety in adolescents	8
SECTION III. PHILOSOPHY	11
Ковалева М.В., Орлова Е.М. Судьба русской культуры в интерпретации С.Н. Булгакова ..	11
SECTION IV. LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES	14
Василенко Л.Ю. Терминологический аспект интерсемиотического перевода.....	14
Филиппова И.Н., Вековищева С.Н. Эвфемия посредством предлогов	18
SECTION V. ECONOMIC SCIENCES	23
Пасечник М.А., Оганесян Т.Л. Особенности современной аграрной политики России	23
SECTION VI. JURISPRUDENCE	26
Анисимов А.А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: современные способы совершения	26
Каплунова Н.А. Защита прав личности по Гражданскому кодексу Китайской Народной Республики в эпоху новых технологий: возможности рецепции для российского правопорядка	29
SECTION VII. MEDICAL SCIENCES	32
Харитонов Д.В., Сапожников В.Г. Течение хронического эрозивного гастроуденита у детей в связи с типом конституции	32
Moskalec O.V. Some features of the immunoreactivity in ophthalmoherpes	34
SECTION VIII. INFORMATICS AND COMPUTER ENGINEERING	36
Сальникова Н.А., Реклер Е.Н. Анализ существующих решений симуляторов зрения.....	36

SECTION I. PEDAGOGY

Ефимова О.В.

Работа логопеда в дистанционном формате: опыт, проблемы, перспективы

*Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова
(Россия, Ульяновск)*

doi: 10.18411/gqws-01-2023-01

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы коррекционно-развивающей работы с детьми с речевыми нарушениями, имеющими ограниченные возможности здоровья (ОВЗ) в условиях дистанционного формата, как одной из актуальных форм обучения и инновационного элемента в современной системе образования. Целью данной статьи является раскрытие плюсов и минусов использования информационно-компьютерных технологий (ИКТ) в структуре коррекционно-развивающего логопедического воздействия на речевую деятельность детей младшего школьного возраста с ОВЗ, имеющих речевые нарушения. Поднимается вопрос необходимости поиска решения задач, связанных с организацией дистанционной формы обучения, данной категории детей и определение дальнейших перспектив работы.

Ключевые слова: дистанционное образование, дети с речевыми нарушениями, ограниченные возможности здоровья, логопедическое воздействие, опыт, проблемы, перспективы, графомоторные навыки.

Abstract

The article deals with the issues of correctional and developmental work with children with speech disorders who have disabilities in a distance format, as one of the relevant forms of education and an innovative element in the modern education system. The purpose of this article is to reveal the pros and cons of using information and computer technologies (ICT) in the structure of corrective and developmental speech therapy impact on the speech activity of children of primary school age with disabilities who have speech disorders. The question of the need to find a solution to the problems associated with the organization of distance learning for this category of children and the determination of further work prospects is raised.

Keywords: distance education, children with speech disorders, disabilities, speech therapy, experience, problems, prospects, graphomotor skills.

Логопедами практиками отмечается ежегодное увеличение детей с речевыми нарушениями. Так по официальным данным только в Железнодорожном районе г. Ульяновска, в течение 2019-2020 гг. коррекционно-логопедическая работа велась с 87 детьми-логопатами, в 2020-2021 гг. – с 96 детьми. По результатам диагностики речевого развития в 2021 году наблюдается тенденция к увеличению детей-логопатов по сравнению с 2020 годом (2020 выявлено 376 человек, 2021 – 429 детей), нуждающихся в логопедическом сопровождении. Из общего числа, нуждающихся в логопедической помощи: 186 – дети младшего школьного возраста, для которых проблема преодоления речевых нарушений наиболее актуальна, 175 – имеют комплексные нарушения. От того насколько успешно пройдет курс коррекции у данной категории детей зависит их успешность обучения в школе, а также дальнейшая адаптация и социализация в обществе [2].

Реалии современной социальной ситуации делают актуальной проблему внесения изменений во всю систему коррекционной работы с детьми с речевыми нарушениями, имеющими ограниченные возможности здоровья (ОВЗ). Одним из вариантов решения данной проблемы является внедрение в систему коррекционно-логопедического сопровождения дистанционных форм работы, с использованием интенсивно развивающихся интернет-

технологий. Как любое нововведение данная форма работы имеет как плюсы, так и определенные минусы. Данный вопрос рассматривался 8 февраля 2022 года на межрегиональном проблемно-методологическом семинаре, прошедшем в рамках дня науки на базе Ульяновского педагогического университета имени И. Н. Ульянова. Участники семинара специалисты, работающие с детьми с ограниченными возможностями здоровья, оказывающие логопедическую помощь по линии Министерства образования: учителя-логопеды дошкольных и общеобразовательных организаций активно обсуждали положительные и отрицательные стороны работы учителей-логопедов в дистанционном формате. Особое внимание было уделено обмену опытом по организации работы логопедов с детьми и родителями, возможностям и перспективам дистанционной логопедической практики.

Требования к условиям информатизации образовательного процесса обозначены в Федеральном Законе РФ «Об образовании в Российской Федерации», N 273-ФЗ и предполагают: «...оснащение образовательных учреждений современной техникой, ... использование при реализации образовательных программ различных технологий, в том числе дистанционных, электронного обучения» [5, ст. 13, п. 2]. «Дистанционное обучение», предполагающее использование специальных информационных технологий понимается как обучение, «...обеспечивающееся применением совокупности образовательных технологий, при которых целенаправленное опосредованное или не полностью опосредованное взаимодействие обучающегося и преподавателя осуществляется независимо от места их нахождения и распределения во времени на основе педагогически организованных информационных технологий, прежде всего с использованием средств телекоммуникации» [1, с. 6].

Дистанционная форма обучения дает возможность создать систему для самообучения, обмена информацией между участниками образовательного процесса, независимо от временных и пространственных возможностей. Эта система помогает наиболее адекватно и гибко реагировать на потребности и возможности каждого ребёнка, а также обеспечить реализацию его конституционного права на образование [3]. В области логопедии дистанционное обучение является новой формой работы и приобретает особую значимость в настоящее время.

Представляя свой опыт, специалисты говорили о возможностях дистанционной формы работы не только с аспекте преодоления речевых нарушений у детей, но и в плане развития у них всех высших психических функций, таких как память, внимание, логика, мышление, умение ориентироваться в пространстве, отработки графомоторных навыков, развитие зрительного и слухового восприятия, формирования навыков чтения и письма и в целом всестороннего развития личности ребёнка. Демонстрация опыта работы с применением информационных технологий, показала возможности обучающихся он-лайн интернет ресурсов для создания презентаций и авторских интерактивных игр. Это, безусловно, мотивирует детей на занятия с логопедом, делая их более интересными и привлекательными, следовательно, позволяет повысить эффективность логопедического воздействия.

Использование компьютерных телекоммуникаций позволяет разнообразить и формы занятий с детьми. Как наиболее интересные и продуктивные специалистами были названы:

1) *чат-занятия* – коррекционно-развивающие занятия, осуществляющиеся с использованием чат-технологий, позволяющие синхронизировать взаимодействие всех участников; 2) *веб-занятия* – предполагающие использование специализированных образовательных *веб-форумов* – форм работы всех пользователей по конкретной теме или проблеме с помощью записей на одном из сайтов (например, сайте образовательного учреждения) с установленной на нем соответствующей программой. В отличие от *чат-занятий* веб-форумы дают возможность более длительной работы при асинхронном характере взаимодействия между логопедом и родителями детей-логопатов. 3) *телеконференция* – позволяющая обеспечить живой обмен информацией одновременно между логопедом, ребёнком, его родителями, удалёнными друг от друга, но связанными телекоммуникационной системой.

В таком формате дистанционное обучение необходимо рассматривать как особый вид коррекционно-развивающей помощи детям, с определенными целями, функциями, способами

взаимодействия, требующий, однако соблюдения специфических для коррекционно-логопедической работы принципов: интерактивности – предполагает интерактивное взаимодействие между всеми его участниками; гибкости – приспособление всего хода учебного процесса к индивидуальным особенностям обучаемого, с выстраиванием индивидуальной образовательной траектории; адаптивности – позволяет адаптировать учебный процесс к особенностям детей; передаваемости – заключается в возможности передачи образовательных текстов, аудио- и видеозаписей, телевизионных и компьютерных программ учебного назначения в доступном для детей с ОВЗ виде; индивидуализации – построение коррекционных занятий в соответствии с индивидуальным темпом работы и индивидуальной образовательной траекторией ребёнка; регламентности – задания, даваемые логопедом, должны быть подчинены определенным временным регламентам, например, устанавливается срок выполнения ребенком тех или иных заданий; педагогической целесообразности применения средств новых информационных технологий – применяемые в процессе дистанционного обучения средства информационных и коммуникационных технологий должны соответствовать целям обучения, способствовать наиболее эффективному их достижению [3].

Специалисты отмечали, что, не смотря на ограниченные возможности взаимодействия с ребенком, дистанционное обучение является технологией, позволяющей сделать эту работу непрерывной и доступной. При этом несомненным плюсом является активное включение в коррекционный процесс родителей – использование дистанционного формата даёт возможность подобрать удобный, гибкий график взаимодействия с детьми и родителями, обеспечить возможность организации и непрерывного консультирования родителей.

Дистанционная форма работы является абсолютно новой для большинства специалистов, в связи с этим отмечаются определённые минусы при организации и проведении занятий. Факторами, влияющими на качество дистанционной коррекционно-логопедической работы являются:

- отсутствие эмоционального контакта между логопедом и ребенком;
- возрастные особенности и характер речевого нарушения, структура дефекта;
- специфика некоторых направлений логопедической работы, например, при постановке звуков, иногда невозможно обойтись без использования механического способа; коррекция нарушений устной речи у обучающихся первых классов в аспекте профилактики нарушений чтения и письма предполагает формирование пространственно-временных представлений, совершенствование работы кинестетического анализатора, участвующего в актах речи, письма, чтения, путём формирования динамического стереотипа слова в единстве акустических, оптических и кинестетических раздражений, что невозможно без осуществления элементарных актов письма. Дистанционная форма работы ограничивает возможности логопеда по формированию графомоторных навыков и кинестетических ощущений у детей в процессе выполнения письменных работ, не даёт возможности проконтролировать правильность начертания букв и их элементов. Общение он-лайн не позволяет сформировать правильное положение руки ребёнка во время письма, введение печатного текста не способствует полноценному формированию мелкой моторики, от состояния которой зависят, в том числе, память, мышление и речь ребёнка.
- зависимость от качества интернет-связи и от уровня владения ребёнком компьютером. Младшему школьнику часто бывает сложно не только проверить настройки компьютера, но даже войти в урок. Ребенок вынужден обращаться к родителю, ведь учитель не может помочь ему в этом вопросе.
- отсутствие необходимого оборудования в семье, воспитывающей ребёнка с речевым нарушением;

- увеличение продолжительности времени нахождения ребёнка перед компьютером, что сказывается на состоянии здоровья в целом, и зрения в частности. Это вступает в прямое противоречие с целями коррекционно-логопедической работы и требованиями СанПиН РФ. Согласно требованиям СанПиН о продолжительности непрерывного применения технических средств «...продолжительность непрерывной работы за компьютером не должна превышать для обучающихся 1-2 классов – 20 минут, 3-4-х классов – 25 минут ...» [4, с. 25]. В ходе занятия необходимо и рациональное чередование видов деятельности, зрительных и двигательных нагрузок, что также затруднительно при дистанционной форме работы.
- ограниченность набора адаптированных тематических материалов и методик по работе с детьми ОВЗ имеющими речевые нарушения.

Таким образом, использование информационных технологий позволяет расширить применяемые в логопедической практике методы работы, разнообразить средства взаимодействия с детьми и родителями, обеспечить непрерывность данного процесса. Обладая как положительными, так и отрицательными качествами дистанционная форма работы логопеда с детьми с речевыми нарушениями, имеет место быть как один из вариантов взаимодействия участников коррекционно-развивающего обучения, но не должна заменять очный формат работы.

***

1. Волженина Н. В. Организация самостоятельной работы студентов в процессе дистанционного обучения : учебное пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 59 с.
2. Годовой отчет за 2019-2021 гг. логопеда ГУЗ ДГКБ, детской поликлиники Железнодорожного района, г.Ульяновска
3. Педагогические технологии дистанционного обучения : учебное пособие / под ред. Е. С. Полат. 2-е изд., стер. Москва : Академия, 2008. 391 с.
4. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 сентября 2020 г. N 28 г. Москва «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи»
5. Федеральный Закон № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» [Электронный ресурс]; ст. 13, п.2 URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/st-13.php>

SECTION II. PSYCHOLOGY

Priputnevich D.N.¹, Zolotareva M.V.², Priputnevich E.D.¹, Samsonov A.S.¹, Lozhkina M.E.¹
Assessment of the impact of social networks on the level of anxiety in adolescents

¹*Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko*

²*Public School No. 1 with in-depth study of individual subjects*
(Russia, Voronezh)

doi: 10.18411/gqws-01-2023-02

Abstract

The article presents the results of a study of the activity of adolescents in social networks, the average time of activity in social networks and preferred social networks. It is shown that the majority of teenagers devote an average of 2-3 hours a day to social networks. The most popular social network turned out to be the Tik Tok network. The absence of the influence of the time that a teenager devotes to social networks on the level of anxiety was revealed.

Keywords: social networks, teenagers, anxiety, scale of apparent anxiety, CMAS, Tik Tok.

Аннотация

В статье представлены результаты исследования активности подростков в социальных сетях, среднего времени активности в социальных сетях и предпочитаемые социальные сети. Показано, что большинство подростков посвящают социальным сетям в среднем 2-3 часа в сутки. Наиболее популярной социальной сетью оказалась сеть TikTok. Выявлено отсутствие влияния времени, которое подросток посвящает социальным сетям, на уровень тревожности.

Ключевые слова: социальные сети, подростки, тревога, шкала явной тревожности, CMAS, TikTok.

Social networks have become increasingly popular among children and adolescents in the last decade. According to the explanatory dictionary, a social network is an Internet site that allows users registered on it to post information about themselves and communicate with each other by establishing social connections. The content on this site is created directly by the users themselves [1] Currently, social networks "VKontakte", "Odnoklassniki", "Instagram"(Meta Platforms Inc. activities banned on the territory of the Russian Federation), "Twitter" and "TikTok" are popular in Russia [3]. The first social network appeared in 1995 – portal Classmates.com, where you could find your classmates, classmates or colleagues. By the way, the network still exists today. However, it was only in 2003-2004 that social networks gained real popularity. That's when LinkedIn, MySpace and Facebook (Meta Platforms Inc. activities banned on the territory of the Russian Federation) were launched. In 2006, Russian social networks appeared – Odnoklassniki and VKontakte. At the same time, Twitter also appeared. Facebook (Meta Platforms Inc. activities banned on the territory of the Russian Federation) (2.2 billion active users per month), YouTube (1.9 billion active users), Instagram (Meta Platforms Inc. activities banned on the territory of the Russian Federation), (1 billion active users), VKontakte and Odnoklassniki were ranked 13-14 in the list of the 15 most popular social networks in the world as of August 2018, with an audience of 97 and 71 million active users users per month, respectively [11]. These sites attract young people with their simplicity, easy assimilation and high popularity. On average, a person spends about 6.5 hours a day updating, communicating and watching "news" on social networks. "Being online" in social networks, users can engage absolutely at any time with a smartphone and the Internet. Thanks to social networks, every student has the opportunity to communicate with people at a distance, share photos and video files with loved ones, meet new people. With the help of social networks, we can post our works, photos, videos, drawings, articles. On the one hand, this is a positive effect, since a person shares the results of his activities and skills, but, on the other hand, using social networks under certain conditions leads to negative consequences [3]. According to a survey [5] conducted by VTsIOM (All-Russian Center for the Study of Public Opinion) on March 6, 2019, almost 100% of teenagers aged 14 to 17 use the Internet daily "the vast majority of teenagers (98%) noted that they use the Internet daily, in addition, 89% log into social networks almost

every day", if compared with a survey of an adult audience, only 53% log in to social networks every day [2]. What influences the time that teenagers spend communicating on social networks? Communication with members of a peer group is the most important motivation for using social networks [8]. Teenagers with high positive collective self-esteem are more strongly motivated to communicate with a group of peers through social networks. Girls are more likely to use social networks to communicate with their peers, spend time and have fun. Negative collective self-esteem is more typical for boys. They are more likely to use social networks as an alternative to communicating with other group members for social compensation and satisfaction of social identity [8]. The results of other studies show that the time spent on social networks is not associated with self-esteem, nor with the fear of negative social assessment, nor with social comparison, while the symptoms of social media addiction were associated with the time of using social networks. Neither the time spent on social networks nor the symptoms of social media addiction were associated with positive social relationships [9]. Recently, more and more works have been devoted to the issue of the influence of social networks on the child's psyche. Most authors note the negative impact of social networks on the child's psyche [7]. A positive correlation has been established between the abuse of activity in social networks and manifestations of affective disorders (anxiety and depression) and concomitant self-harm and suicidal activity, alcohol abuse and other psychoactive substances [6]. Moreover, the results of foreign studies have also revealed maladaptive cognitive abilities and psychiatric distress in people with dependence on social networks [10] In this regard, parents, teachers, and psychologists are increasingly concerned about the problem of uncontrolled use of social networks by adolescents every year. The situation is further aggravated by the fact that, as a rule, this process is difficult to manage. To deprive a teenager of access to the Internet today means to enter into an open confrontation with him, since such an action will not only provoke a negative reaction in the individual, but can also cause psychological trauma to the teenager [4]. In our study, we tried to assess the impact of the time spent by teenagers on social networks on their anxiety level. To do this, we conducted an anonymous survey of 7th grade students of Public School No. 1 with in-depth study of individual subjects (Russian Federation, Voronezh) (n=63), the average age of the surveyed was 12.76 years. In the studied group, boys made up 52.4% (n=33), and girls 47.6% (n=30). At the first stage, by means of a questionnaire, the average time that a student spends in communication and searching for information on social networks and preferred social networks was revealed. At the second stage, the level of anxiety in previously surveyed adolescents was studied using a scale of overt anxiety. At the last stage, using mathematical processing using the Exel program, an attempt was made to establish a link between the average time spent by a student in social networks and indicators of obvious anxiety.

When assessing the popularity of social networks among the surveyed teenagers, the following results were obtained: the respondents use social networks: TikTok, Instagram (Meta Platforms Inc. activities banned on the territory of the Russian Federation) and VK. The majority of respondents prefer the TikTok social network – 57.14% (n=36), Instagram – 22.22% (n=14) and VK – 20.64% (n=13). When studying the average time spent by respondents on social networks, the following results were obtained: the majority of adolescents spent 2-3 hours a day on social networks – 52.38% (n=33), less than 2 hours – 42.86% (n=27) and only 4.76 (n=3) used social networks for more than 3 hours a day.

In the study of anxiety using the scale of overt anxiety (CMAS) adapted by A.M.Prikhozhan, indicators indicating a low level of overt anxiety in adolescents were obtained. The results of the survey are presented in Table 1.

Table 1

Average indicators of overt anxiety, depending on the time spent on social networks

Average time spent by teenagers on social networks	Average number of CMAS scores	Wall indicators	Characteristic
0.5-4 hours per day (average value for the sample)	20.53	7	Slightly increased anxiety
0,5-2 hours per day	19.4	6	Normal level of anxiety
2-3 hours per day	21,3	7	Slightly increased anxiety
3-4 hours per day	20,9	7	Slightly increased anxiety

Thus, the examined adolescents were characterized by a normal and somewhat elevated level of anxiety. When analyzing the data obtained, the normal level of anxiety was typical for adolescents who spent less than 2 hours on social networks, and for adolescents who spent more than 2 hours on social networks – a slightly increased level of anxiety. Statistical analysis of the data revealed the unreliability of differences in attention indicators in adolescents with different time spent on social networks. Which serves as indirect evidence of the lack of connection between the time spent by a student in social networks and the level of obvious anxiety.

Thus, the results obtained allow us to draw the following conclusions:

- Teenagers use social networks daily.
- Most teenagers spend 2-3 hours on social networks every day.
- The amount of time spent on social networks does not lead to changes in the level of anxiety in adolescents.

***

1. Zhangalieva, R. E. On the problem of the influence of digital technologies and social networks on the mental and physical health of children and the formation of addiction / R. E. Zhangalieva // Actual problems of mass Consciousness research : Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 19-20, 2021 / Ed. V.V. Konstantinov. – Moscow: Publishing House "Pero", 2021. – pp. 91-98.
2. Kopylova, O. Y. The influence of social networks and video hosting on the mental and moral development of children and adolescents / O. Y. Kopylova // Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. – 2022. – No. 1. – pp. 437-442. – DOI 10.37691/2311-5351-2022-0-1-437-442.
3. Mozgovaya, A.V. Culture of social networks / A.V. Mozgovaya // Intellectual resources - regional development. – 2019. – Vol. 5. – No. 1. – pp. 540-545.
4. Mytets, I. V. Psychological and pedagogical analysis of the influence of social networks on the psyche of modern adolescents / I. V. Mytets, E. G. Vlasenkova // Shamov pedagogical readings : Collection of articles of the XIV International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Moscow, January 22-25, 2022. – Moscow: Scientific School of Educational Systems Management, International Academy of Sciences of Pedagogical Education, "5 for knowledge", 2022. – pp. 805-809.
5. VTsIOM survey// Teenager in a social network: the norm of life – or a danger signal?//category culture// <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podrostok-v-soczialnoj-seti-norma-zhizni-ili-signal-opasnosti>
6. Perezhogin, L. O. The influence of social networks on the mental health of children and adolescents / L. O. Perezhogin // Mental health. – 2022. – Vol. 17. – No. 5. – pp. 45-54. – DOI 10.25557/2074-014X.2022.05.45-54.
7. Rudenko, A.M. The influence of social networks on the psyche of children of primary school age / A.M. Rudenko, V. I. Rodionova, E. A. Kornichenko // Innovative vectors of Sustainable and digital development of production and Information systems : collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Stavropol, May 18-20, 2022 / Russian Technological University, St. Petersburg State University of Economics, Kuban State University, Don State Technical University, North Caucasus Federal University, Southern Federal University, Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol State Agrarian University. – Stavropol: Publishing House "AGRUS", 2022. – pp. 383-388.
8. Barker V. Older adolescents' motivations for social network site use: the influence of gender, group identity, and collective self-esteem. *Cyberpsychol Behav.* 2009 Apr;12(2):209-13. doi: 10.1089/cpb.2008.0228.
9. Muench F, Hayes M, Kuerbis A, Shao S. The independent relationship between trouble controlling Facebook use, time spent on the site and distress. *J Behav Addict.* 2015 Sep;4(3):163-9. doi: 10.1556/2006.4.2015.013.
10. Pontes HM, Taylor M, Stavropoulos V. Beyond "Facebook Addiction": The Role of Cognitive-Related Factors and Psychiatric Distress in Social Networking Site Addiction. *Cyberpsychol Behav Soc Netw.* 2018 Apr;21(4):240-247. doi: 10.1089/cyber.2017.0609.
10. <https://promopult.ru/library> [Internet resource]

SECTION III. PHILOSOPHY

Ковалева М.В., Орлова Е.М.

Судьба русской культуры в интерпретации С.Н. Булгакова

*Курская академия государственной и муниципальной служб**(Россия, Курск)*

doi: 10.18411/gqws-01-2023-03

Аннотация

Историческая и культурная ситуация начала XX века характеризуется сверхуплотненностью событий, радикальной реорганизацией социальной и духовной жизни, кризисом официального православного сознания. Именно в этих условиях складывается интерес к культурной проблематике и в центр отечественных гуманитарных исследований ставятся проблемы соотношения человека и культуры, соотношения духа и реальности. Плодотворным моментом в рассуждениях русских философов является анализ культурного кризиса в сложнейшем переплетении с экзистенциальным самоощущением человека. Но самое главное, русскими философами намечается важнейшая проблема понимания сущности культурного кризиса как момента переоценки ценностей, углубленного самопознания с учетом исторического опыта, в чем заложен исток последующих культурных преобразований.

Ключевые слова: русская религиозная философия, культура, человек, духовность, кризис, экзистенциальное самоощущение.

Abstract

The historical and cultural situation of the early twentieth century is characterized by an overdensity of events, a radical reorganization of social and spiritual life, and a crisis of official Orthodox consciousness. It is in these conditions that interest in cultural issues develops and the problems of the correlation of man and culture, the correlation of spirit and reality are put at the center of domestic humanitarian research. A fruitful moment in the arguments of Russian philosophers is the analysis of the cultural crisis in the most complex intertwining with the existential sense of self of a person. But most importantly, Russian philosophers outline the most important problem of understanding the essence of the cultural crisis as a moment of reevaluation of values, in-depth self-knowledge, taking into account historical experience, which is the source of subsequent cultural transformations.

Keywords: Russian religious philosophy, culture, man, spirituality, crisis, existential self-perception.

В начале XX века происходит самоопределение русской религиозной философии в контексте обращения к духовному наследию, в том числе религиозному. И уже самоопределившаяся как таковая, русская религиозная мысль рефлексивует по поводу состояния национальной культуры.

Одной из самых популярных проблем начала XX века является проблема культурного кризиса. Религиозной концепции культуры присуще стремление постигнуть сущность культуры, чтобы открыть путь из кризисного состояния к обновлению и культурному возрождению [4, с. 7]. Русскую мысль этого периода отличает широта рассмотрения темы кризиса: от теоретического и историко-культурного анализа к острой социально-философской публицистике. Концепция кризиса культуры, разработанная русскими религиозными философами, является основой их собственной философии культуры. Представители данного направления сосредотачивают свой творческий поиск на определении путей выхода из кризисного состояния, поэтому обращение к данной проблематике при наличии тенденции преодоления культурного кризиса, начавшегося в российском обществе в конце XIX века, актуально.

В этой связи представляется актуальным обращение к идеям такого философа, как С.Н. Булгаков, который осмысляет судьбу русской культуры и выдвигает ряд положений, определяющих понимание данного феномена.

В работе «Религия человекобожия в русской революции» С.Н. Булгаков отмечает, что XIX век характеризуется атмосферой безрелигиозности. Он утверждает, что «Россия отражает идеи и настроения века решительнее и прямолинейнее, чем Запад, отражает на себе ту мировую духовную драму богоборчества и богоотступления. Духовная борьба, составляющая основную тему и основное содержание новой истории, определяется усилиями культурного человечества устроится без Бога навсегда» [1, с. 215]. Этот процесс автор называет трагедией, так как «хороня Бога в своем сознании, люди вынуждаются хоронить и божественное в своей душе, а божественное есть действительная, реальная природа человеческой души» [1, с. 216]. В результате чего, с точки зрения автора, в культуре возникает такое явление как нигилистический индивидуализм, который составляет серьезную угрозу духовной жизни. Это явление С.Н. Булгаков называет русской драмой. Причины этой драмы автор видит в разложении личности, в «параличе» воли и нравственного чувства, всеобщем пессимизме, в отрицании религиозных ценностей, отсутствии созидательных целей, экономической нужде, а также в духовном распаде и внутреннем раздоре русского народа.

Как видно, С.Н. Булгаков характеризует процессы российской жизни начала века разрушением устоев человеческого духа и ставит вопрос: «Способна ли внутренне подгнивающая эпоха декаданса создать свое великое в культуре или она преимущественно коллекционирует и регистрирует старое?» [1, с. 223]. Философ убежден в том, что вернуться на старые позиции невозможно, поскольку «мы отделены пропастью, мы выросли и исторически постарели, бесполезно и недостойно нам молодиться. Надо начать что-то новое, учесть исторический опыт, показать в нем самих себя и свои ошибки, ибо иначе, если мы будем видеть их только у других, на противной стороне, то мы останемся загнипнотизированы своей враждой к ней и ничему не научимся. Потребно самоуглубление, самоисследование, потребно накопление духовных сил, творчество культуры. Разных сторон должно коснуться это самообновление, но если спуститься на самое дно, в глубину души, то это создание новой личности и новой жизни, новым и более сознательным религиозным самоопределением» [1, с.228]. По сути дела С.Н. Булгаков видит путь выхода из кризисной ситуации не в возврате к прежней, некогда стабильной ситуации, а в самообновлении для дальнейшего культурного созидания.

Проанализировав понимание кризисных процессов в социокультурной жизни, подведем некоторые итоги. Отметим, прежде всего, что С.Н. Булгаков связывает кризис культуры с обесцениванием и отрицанием религиозных ценностей. Такие характеристики, как снижение духовного развития личности, незаинтересованность человека в творчестве, познании, разрушение и гибель прежних устоев жизни, преобладание количественных составляющих культуры над качественными, он интерпретирует как показатели культурного кризиса.

Мы полагаем, что в осмыслении современных социокультурных процессов рубежа XX – XXI веков остается актуальным понимание сущности культурного кризиса, выработанного русским религиозным философом С.Н. Булгаковым, и опыт поиска путей выхода из него.

Следует отметить, что обозначенные им проблемы, а также тематика, разрабатываемая русскими религиозными философами конца XIX – начала XX века полемичны как в теоретическом плане, так и в контексте реалий современной российской культуры. Является ли культура пространством абсолютных ценностей? Возможно ли истинное понимание культуры в отстранении от социальной прагматики? Почему человеческая деятельность непременно должна быть сопряжена с идеалами и ценностями? Должен ли философский подход к пониманию культуры базироваться на исторических реалиях? Можно ли отождествлять понятие культуры в целом с духовной культурой? Что представляет собой кризис – культурную исчерпанность или бытие без культурной ориентации? Ответы на эти и многие другие вопросы, так или иначе затрагиваемые представителями данного направления, без сомнения, вносят новые аспекты в философское видение культуры, обогащают современное культурно-

философское знание и, что очень важно, способствуют углубленному осмыслению российских культурных процессов нового тысячелетия.

За последние полтора десятилетия установка на то, что российское общество переживает кризис, стала неотъемлемой в анализе происходящих процессов. А.И. Солженицын в начале 90-ых отмечает: «Кризис в нашей стране сейчас – намного глубже, чем только экономический, это кризис сознания и нравственности, настолько глубокий, что не посчитать, сколько десятилетий – или век – нам нужны, чтобы подняться» [3, с. 173].

***

1. Булгаков С.Н. Религия человекобожия в русской революции // Новый мир. – М., 1989. – № 10.
2. Полторацкий Н.П. Русская религиозная философия // Вопросы философии. – М., 1992. – № 2. – С. 123-140.
3. Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века // Новый мир. – М., 1994. – С. 173.
4. Солонин Ю.Н. Кризис культуры в контексте русского и западноевропейского менталитета // Вестник СПбГУ, Сер. 6. Вып. 3 (№ 20). 1993. – С. 7-11.
5. Солженицын А.И. “Русский вопрос” к концу XX века // Новый мир. – М., 1994. – № 7. – С. 135-176.

SECTION IV. LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Василенко Л.Ю.

Терминологический аспект интерсемиотического перевода

Общевойсковая академия Вооруженных сил Российской Федерации
(Россия, Москва)

doi: 10.18411/gqws-01-2023-04

Аннотация

Представлен анализ терминополья «интерсемиотический перевод». Основными методами работы служат лингвистические семантический, контекстуальный и интерпретативный анализ, а также общенаучные приемы логики, классифицирования, описания. Выявлены множественность и разнородность терминов, именующих полимодальность, указаны их достоинства и недостатки в функционировании терминологического аппарата. Показаны частичные совпадения и расхождения в дефинициях терминов. Представлены тематические группы понятий, связанных с интерсемиотическим переводом. Раскрыты перспективы дальнейшего роста терминологического аппарата данной отрасли переводоведения.

Ключевые слова: интерсемиотический перевод, лингвесемиотика, полимодальность, поликодовость, кинотекст, креолизованный текст, аудиовидеовербальный текст.

Abstract

We present an analysis of the terminology field "intersemiotic translation". The main methods of work are linguistic semantic, contextual and interpretive analysis, as well as general scientific methods of logic, classification, description. We reveal the multiplicity and heterogeneity of the terms naming polymodality, we also point out their advantages and disadvantages in the functioning of the terminological apparatus. We show partial coincidences and discrepancies in the definitions of terms. We present thematic groups of concepts related to intersemiotic translation. We reveal the prospects for further growth of the terminological apparatus of this branch of translation studies.

Keywords: intersemiotic translation, linguosemiotics, polymodality, polycode, kinotext, creolized text, audio-visual text.

Литература с давних пор была ареной творчества переводчиков, с развитием языкознания и становлением теории перевода самостоятельной отраслью научного исследования превратилась в объект изучения переводоведов. При этом внимание исследователей долго было сосредоточено на межъязыковых и (позднее) межкультурных аспектах перевода литературы. Интерсемиотические аспекты перевода вышли на передний план лишь в последние годы XX в. – несмотря на многовековую практику трансмутации [9; 13]. Театральные постановки, оперное искусство, балет служили областью реализации новых интерпретаций литературы. Кино, приобретшее массовый характер, вобрало в себя предшествующие формы воплощения мономодальных вербальных текстов.

Противопоставление мономодальности и полимодальности приближается к дихотомии. С развитием научной парадигмы и спецификацией отдельных отраслей теоретического знания полимодальность стала объектом исследования разных социогуманитарных наук. Она привлекает внимание культурологов и искусствоведов, историографов и историков, психологов и педагогов, специалистов семиотики и лингвистов, а также многих других областей знания.

Непродолжительная история полимодальности в языкознании оказалась весьма плодотворной и противоречивой. На текущий момент теория полимодальности объединяет много разрозненных концепций и отдельных точек зрения, обеспечивая широту мнений о рассматриваемом феномене. Терминологический аппарат этой проблематики достаточно богат и разнороден, т.к. изобилует близкими (но не тождественными!) единицами: *кинотекст*,

креолизованный текст, поликодовый текст, полимодальный текст, (аудио)видеовербальный текст, мультимодальный текст, семиотически гетерогенный текст, семиотически осложненный текст, контаминированный текст, (сложно)составной текст, (гетерогенный) экранный текст и пр., активно используемыми в работах разных исследователей или в работе одного автора (в качестве сопоставляемых или смежных понятий).

Терминологическая множественность сама интересна для анализа. С одной стороны, она подтверждает популярность проблематики. С другой стороны, она связана с активностью исследований в данном направлении. С третьей стороны, разнообразие именовании одного предмета исследования обусловлены его междисциплинарным характером. Наконец, разные термины высвечивают разные стороны многогранного предмета именовании, акцентируя внимание на одной из его онтологических особенностей или на одной из его функций.

На современном этапе развития языкознание обладает теми же чертами, что родственные ему гуманитарные науки: антропоцентрическим фокусом, интегративной и культуроцентрической методологией, обращенностью к синтетическим объектам и предметам исследования [8]. Внимание лингвистов смещается от языковых аспектов к семиотике в целом как науке «об общих свойствах знаковых систем вообще, включающей себя языкознание в той мере, в какой язык обладает семиологическими свойствами» [1, с. 402], «о знаковых системах, включая естественные и искусственные языки» [6, с. 97], «о знаках и знаковых системах, а также естественных и искусственных языках как знаковых системах» [3, с. 321]. При этом укрупнение объектов исследования одновременно расширяет предметную область языкознания до лингвосемиотики. Само понятие **кинотекст** однозначно указывает на единство собственно вербальной составляющей ('текст') с составляющими иной семиотической природы ('кино'). Этот термин удачно вскрывает разносторонний, принадлежащий разным онтологическим сущностям, характер создающих его компонентов. Однако, у него есть недостатки. Во-первых, он достаточно часто (особенно в работах, посвященных дублированному и субтитрованному переводу) употребляется как синоним скрипта, сужая таким образом объем понятия до вербальных репрезентантов. Во-вторых, этот термин узкопредметен, т.к. полимодальными являются не только произведения кино. Отметим также, что и 'кино' объединяет разнородные (и гибридные!) формы произведений: кино-спектакль, анимационное кино, документальное кино, игровое кино, кукольно-игровая мультипликация и пр. Термин кинотекст встречается в работах таких исследователей феномена полимодальности, как О.И. Александрова, Т.А. Винникова, К.Ю. Игнатов, Е.А. Красина, Е.С. Рыбинок, Ю.В. Сургай и др.

«Культурный синтез» стремительно движется в направлении культурного полисинтетизма, вовлекая во взаимодействие такие формы кино, которые ранее были дифференцированы друг от друга как абсолютно разные жанры или сферы. Так, гибридизация захватила и синтезировала игровое и анимационное кино, игровое кино и кукольную анимацию, кукольную анимацию и рисованную мультипликацию и т.д. Такие гибридные произведения отчетливо проявляют комплексность различных кодов. Отметим, что понятие кодов достаточно дискуссионно: так, статус визуального кода или визуального языка остается весьма спорным в различных течениях семиотики (понимание иконики разнится весьма существенно в работах Дж.Пирса, У.Морриса, У.Эко, К.Метца [12]).

Однако, наличие разных кодов не отрицается лингвосемиотиками, неудивительно поэтому, что термин **поликодовый текст** получил широкое распространение, особенно в работах семиологов. При этом популярность термина не исключает разнородности его толкования исследователями. 'Поли' часто используется в значении 'более 1', в противопоставление мономодальному вербальному тексту. Так, поликодовый текст может соединять в себе тексты, имеющие различную семиотическую сущность: вербальный текст и различные виды невербальной информации (не всегда текст!) – символической и иконической (иногда понимаемых тождественно), аудиальной и музыкальной (не всегда равноценных), кинетической (понимаемой очень широко) и двигательной (понимаемой чаще как танец и жестовый язык) и др. [7, с. 67]. Этот термин нашел широкое применение в работах А.А. Бернацкой, Б.Л. Бойко, Г.В. Ейгер, Е.Н. Ильиной, О.С. Иссерс, Е.В. Кобзевой, Т.Е. Никольской,

С.Ю. Павлиной, И.А. Пиле, О.В. Поймановой, А.Г. Сонина, В.Е. Чернявской, С.Б. Черемисиной, Н.В. Цветковой, В.Л. Юхта и др.

В связи с этим поликодовыми авторы научных работ называют произведения, синтезирующие различное количество кодов в различных сочетаниях. Эту тенденцию отражает информация, сведенная в таблице 1, которая не исчерпывает все примеры реализации поликодности, но демонстрирует основные тенденции (см. табл. 1). В целях наглядности используем для обозначения компонентов-кодов условные знаки: вербальный код – Верб, аудиальный код –А, визуальный код – Виз. Примечательно также, что в самих формулировках поликодовых текстов на первое место выдвигается компонент невербальной коммуникации: *видеовербальный, аудиовербальный, аудио-визуальный, аудиовидеовербальный* и др. (но не «вербально-визуальный» или «вербально-аудиальный»).

Таблица 1

Широта понимания структуры поликодовых текстов.

коды	примеры реализации	примеры диссертаций по проблематике
2-компонентные поликодовые тексты		
Верб + Виз	интернет-коммуникация с использованием эмотиконов, иллюстрированные издания (атлас, комикс, фоторепортаж, баннерная реклама, гиф и пр.)	Ахренова Н.А. Доминанты современной интернет-лингвистики: дис. ... докт.филол.н. Москва, 2019. 363 с. Беляков И.М. Особенности баннерной интернет-рекламы как поликодового текста (лингвистический аспект): дис канд.филол.н. М., 2009. 164 с.
Верб + А	радиокommunikация, песня, звуковые сообщения в мессенджерах и пр.	Абросимова Е.А. Семиотика бардовской песни: дис. канд.филол.н. Омск, 2006. 228 с.
А + Виз	танец, балет, синтетические виды спорта (художественная гимнастика, фигурное катание, фристайл и пр.)	Степанова Н.Ю. Феноменология танца: движение в структуре временности: дис. канд.филол.н. Комсомольск-на-Амуре гос. техн. ун-т. Комсомольск-на-Амуре, 2010. 217 с.
3-компонентные поликодовые тексты		
Верб + А + Виз	театральный спектакль, опера, музыкальный видеоклип, кино, анимация, телеспектакль, интернет-коммуникация (видеочат, видеоконференция и пр.)	Евграфова Ю.А. Лингвoseмиотика экрана: моделирование реальности в экранных текстах (на материале текстов кино, телевидения и сети Интернет): дис. докт.филол.н. Мытищи, 2020. 503 с.

Идеи взаимопроникновения «языков», «систем», «кодов» в общем семиотическом пространстве культуры («семиотическом континууме, заполненном разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями» [4, с. 12]) получили широкое распространение в умах языковедов (и гуманитариев в целом) и нашли разностороннее подтверждение в междисциплинарных исследованиях на стыке лингвистики с культурологией, когнитивистикой, социологией и др. Разнородные системы знаков, во времени и пространстве участвующие в формировании культурного фонда нации, не просто соседствуют, а создают новую систему или цельносистемность, где результат (продукт новой гетерогенной системы знаков) не является простой арифметической суммой входящих в него компонентов, но порождает иную сущность [10, с. 87; 11] с трудно расчленимым (или вовсе нерасчленимым) единством компонентов.

Близко к такой оценке онтологии интерсемиотических продуктов подступает термин **полимодальный текст**. Здесь также представлена отсылка к пониманию 'более, чем 1' компонент, но *модус* (от лат. *modus* – 'мера; способ; образ, вид') в большей степени апеллирует к единению участвующих в коммуникации систем знаков, чем *код* (шифр; система знаков для секретного письма, хранения секретной информации) 'условная система передачи информации', ориентирующая реципиента на «декодирование различных смыслов» [7, с. 75]). Кроме того, *модус* дает возможность дальнейшей детализации, т.к. внутри него вычленимы более мелкие структуры – компоненты, элементы и т.п. составные части, наличие которых внутри *кода* весьма трудно предполагать. Термин полимодальный текст использован в исследованиях О.К. Ирисхановой, А.А. Кибрик, Е.Г. Логиновой, Е.Д. Некрасовой, Э.Г. Никитиной, Р.К. Потаповой, Т.М. Рогожниковой, И.Н. Филипповой и др.

Тесную связь с *полимодалным текстом* демонстрирует термин *мультимодалный текст*, логически развивающий первый. Он также апеллирует к модусности и разноаспектности взаимодействующих знаковых систем, но при этом однозначно указывает на их количественную множественность, которая не сводима к пониманию 'более 1', а эксплицирует значение 'много'. Сторонники этого термина предусматривают членение знаков не только по принадлежности к семиотической системе (или семиотическому коду), но и по способу реализации и функциональному аспекту. Этот подход позволяет построить достаточно детализированную типологию компонентов, создающих новое полисемиотичное произведение.

Конкуренцию названным терминам составляет *креолизованный текст*, который в отличие от *поликодового* (с семиотической направленностью) выдвигает на передний план лингвистическую составляющую, поэтому активнее эксплуатируется языковедами. Подчеркнем, что креолизованный текст чаще понимается лингвистами как соединение только двух знаковых систем – вебальной и иконической [2, с. 76], – аудиальные компоненты, как правило, не включаются исследователями в синкретичные объекты креолизации. Популяризаторами этой идеи выступили Е.Е. Анисимова, М.Б. Ворошилова, О.И. Максименко, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др.

Термин **контаминированный текст** (лат. *contaminatio* – 'смешение') – так же, как и креолизованный – лингвистический. Его семантический объем шире, чем у охарактеризованных выше, т.к. смешиваться (т.е. создавать новую систему или комплекс знаков) могут и родственные и неродственные знаковые системы [5]. Контаминированными можно считать тексты, сочетающие знаки разных естественных языков, сочетающие вербальные знаки с изобразительными (в широком толковании – иконические, символы, статичные изображения и видеоряд), сочетающие любые аудиальные, изобразительные и вербальные знаки. Количество компонентов, вступающих во взаимодействие, не лимитируется в таком понимании проблематики, что значительно расширяет поле исследований. Однако недифференцированное отношение к проблематике природы знаков, выраженное в соположении (как объектов исследования) гомогенных и гетерогенных знаковых систем, вызывает некоторое удивление или даже отторжение исследователей. Авторами термина и его центральными пропагандистами выступили Ю.А. Бельчиков и А.П. Сковородников.

На разнородность семиотических систем, участвующих в создании нового продукта, указывают формулировки терминов *семиотически гетерогенный текст*, *семиотически осложненный текст*, *(сложно)составной текст*, *(гетерогенный) экранный текст*, которые используются Е.Е. Анисимовой, Ю.А. Евграфовой, Л.В. Полубиченко.

Подводя итог представленного анализа, считаем необходимым визуализировать информацию о терминологическом аппарате по исследуемой проблематике в виде таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2

Сторонники терминологического выбора

термин	исследователи – авторы и пользователи термина
кинотекст	Т.А. Винникова, К.Ю. Игнатов, Е.А. Красина, Ю.В. Сургай
поликодовый текст	А.А. Бернацкая, Г.В. Ейгер, Е.Н. Ильина, О.С. Иссерс, О.В. Пойманова, А.Г. Сонин, В.Е. Чернявская, В.Л. Юхт
полимодалный текст мультимодалный текст	О.К. Ирисханова, А.А. Кибрик, Е.Д. Некрасова, Э.Г. Никитина, Р.К. Потапова, Т.М. Рогожникова, И.Н. Филиппова
креолизованный текст	Е.Е. Анисимова, М.Б. Ворошилова, О.И. Максименко, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов
контаминированный текст	Ю.А. Бельчиков, А.П. Сковородин
семиотически гетерогенный текст, семиотически осложненный текст, (гетерогенный) экранный текст	Е.Е. Анисимова, Ю.А. Евграфова, Л.В. Полубиченко

Исследования полимодалности в интерсемиотическом переводе составляют перспективу лингвистической проблематики. Терминологический аппарат достаточно насыщен

единицами, именуемыми объект изучения. Синкретичность некоторых терминов и полиномия в вокабуляре современного языкознания должны смениться традиционной для терминоединиц однозначностью и постепенной редукцией избыточных синонимичных единиц.

***

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
2. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21). С. 75-80.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
4. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. 479 с.
5. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93-102.
6. Миньяр-Белоручев Р.К. Методический словарь. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. М.: Стелла, 144с.
7. Пиле И. А. Текст как поликодовое явление // Дизайн СМИ: тренды XXI века. 2017. № 3. С. 67-76.
8. Сабитова З.К. Новые лингвистические направления XX-XXI вв. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2011. № 4. С. 347.
9. Филиппова И.Н. Интерсемиотический перевод: экранизация как трансформация авторского текста в поликультурном аспекте // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 1 (32). С. 204-211.
10. Филиппова И.Н. Лингвофилософия холизма в переводе. М.: Формат, 2019. 185 с.
11. Филиппова И.Н. Редукционизм и холизм в переводоведении // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 755.
12. Эко У. Сказать почти то же самое: опыты о переводе. СПб.: Symposium, 2006. 576 с.
13. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16-24.

**Филиппова И.Н., Вековищева С.Н.
Эвфемия посредством предлогов**

*Московский государственный областной университет
(Россия, Мытищи)*

doi: 10.18411/gqws-01-2023-05

Аннотация

Представлен анализ способов эвфемизации, реализуемой с помощью предлогов. Выявлено субъективное манипулятивное воздействие предлогов на описание объективной предметной ситуации и изменение таким образом концептуальной картины мира реципиента (участника персонажного диалога, читателя). Раскрыт потенциал использования предлогов как средства эвфемизации, эксплуатирующий лексико-семантические отношения антонимии и полисемии.

Ключевые слова: предметная ситуация, пространственная сцена, концептуальная картина мира, предлог, прагматическая задача, интенция, эвфемия.

Abstract

We analyze the ways of euphemization implemented using prepositions. We identify the subjective manipulative effect of prepositions on the description of an objective objective situation and thus change the conceptual picture of the recipient's world (participant of the character dialogue, reader). We reveal the potential of using prepositions as a means of euphemization, exploiting lexico-semantic relations of antonymy and polysemy.

Keywords: subject situation, spatial scene, conceptual picture of the world, preposition, pragmatic task, intention, euphemia.

Изменения речевых стереотипов в разных национальных языках объединяет феномен эвфемизации. Общность тенденции к более мягким формулировкам, более вежливому отношению к окружающим и т.п. отражает движение различных языковых картин мира к гуманизации и либерализации коммуникации в целом. Первоначально эти коммуникативные

модели развивались в русле политкорректности, затем сфера их распространения охватила не только официальный регистр институционального дискурса, но и прочие сферы речевого общения. Внимание языковедов к эвфемии в связи с этими дискурсивными практиками закономерно растет, однако активность исследований главным образом направлена на прагмасемантические ресурсы эвфемии, вопрос о частеречной принадлежности эвфемизмов составляет периферию лингвистического анализа. Рассмотрение служебных частей речи как средств эвфемизации не выявлено вовсе. Таким образом, **актуальность** исследования предлогов как дискурсивных и прагматических средств эвфемии очевидна.

Вклад предлогов в эвфемизацию не составлял ранее самостоятельного **предмета изучения**, эту лауну необходимо восполнить, и именно этому аспекту посвящена настоящая статья. Фактическим **материалом** послужили тексты художественной литературы. Основу **методологии** составляют общенаучные приемы анализа и синтеза, наблюдения над эмпирической базой, интерпретации и описания полученных результатов. Среди собственно лингвистических методов в работе нашли применение метод направленной выборки (для экстрагирования отдельных фрагментов – мини-контекстов, содержащих предлоги с прагматической задачей эвфемизации), стилистический и дискурс-анализ, семантический, компонентный и сопоставительный анализ.

Предлоги не только служат вербальным отражением пространственно-временных отношений между компонентами словосочетания и имеют стилистические маркеры [5, с. 564; 11, с. 270; 12, с. 21-22; 14, с. 688], но также могут расширять свою коммуникативную функцию, приобретая большее значение. Ресурс такой коммуникативной экспансии предлогов создают лексико-семантические связи в этой группе лексики. Отношения контраста в паре предлогов не всегда отчетливы вне контекстного окружения. Так, явную антонимию трудно усмотреть в несимметричных значениях предлогов *на* и *в*, но в цитируемом ниже фрагменте романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» взаимное исключение предлогов эксплицирует пространственная сцена:

- *Хорошо, иди. Если ты можешь оставить меня одну в такую минуту — иди. <...>*
- *Ну, тогда я выйду только **во двор** послушаю. <...> Ну, тогда, Леночка, я даю тебе честное слово, что я дальше двора шагу не сделаю.*
- *Честное слово?*
- *Честное слово.*
- *Ты за калитку не выйдешь? На гору лезть не будешь? Постоишь **на дворе**?*
- *Честное слово.*
- *Иди [4, с. 161].*

В представленном мини-диалоге раскрываются две антагонистические языковые картины, описывающие одну предметную ситуацию. Младший Турбин описывает двор как объем, используя для обозначения направленного движения предлог *в* – *во двор*. Такая вербализация создает иллюзию закрытого, а, следовательно, защищенного пространства. Это осознанная попытка манипулирования видением собеседника: Николай успокаивает старшую сестру (= ‘со мной там ничего не случится, там мне ничего не угрожает’). Его основная интенция реализуется с помощью предлога. В своем ответном коммуникативном ходе Елена прибегает к аналогичной уловке, демонстрируя ту же пространственную сцену как открытое место, для этого в ее речь внедрен предлог *на* – *на дворе*. Ее манипулятивная стратегия достаточно очевидна: она хочет указать на возможность обзора значительной городской перспективы, на незамкнутость пространства двора (= ‘и со двора все прекрасно увидишь и услышишь’). Эта версия видения предметной ситуации противоречит ранее упомянутому в романе «маленький, покатый, уютный дворик». Кодирование иным пространственным предлогом отношений между описываемыми компонентами предметной ситуации (город – двор – человек во дворе – пространственная перспектива) представляет попытку манипуляции понятиями «объем / плоскость» и сформировать у собеседника иную понятийную картину

«открытость /замкнутость». В рассматриваемом фрагменте противопоставления концептуальных систем видения одной внеязыковой действительности [2; 8] оказывается достаточным воздействия только одного предлога. Коммуникативная роль корреспондирующих предлогов *в* и *на* позволяет обоим участникам диалога представить ситуацию в более выгодном свете и умиротворить оппонента, используя предлог как средство эвфемизации.

Стратегия смягчения вербальных средств, используемых для описания неприятной окружающей действительности, в романе «Белая гвардия» достаточно активна. Так, во многих контекстах использовано замещение предлога *на* его антагонистом – предлогом *в*, который призван завуалировать беззащитность людей в гражданской войне: *на улицу квартира Турбиных была во втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик — в первом* [4, с. 19]; *в нижнем этаже <...> засветился слабенькими желтенькими огнями инженер и трус, буржуй и несимпатичный, Василий Иванович Лисович, а в верхнем — сильно и весело загорелись турбинские окна* [4, с. 20]. *Странно, в центре города, среди развала, кипения и суеты, остался мертвый четырехъярусный корабль, некогда вынесший в открытое море десятки тысяч жизней. <...> Кто теперь учится в этом корабле?* [4, с. 92] Считать этот прием авторской манерой стилизации не представляется возможным, т.к. в прочих произведениях М.А. Булгакова подобной узуальной практики не обнаруживается (ср. в романе «Мастер и Маргарита»: *Ворвавшись в подъезд, Иван Николаевич взлетел на второй этаж, немедленно нашел эту квартиру и позвонил нетерпеливо* [4, с. 317-318]. *Никанор Иванович скрылся в шестом подъезде и поднялся на пятый этаж, где и находилась эта поганая квартира № 50* [4, с. 361]. *Большой кабинет на втором этаже театра двумя окнами выходил на Садовую* [4, с. 369] *что она не отвечает за домоуправление, которое завело на пятом этаже нечистую силу, от которой житься нету* [4, с. 612].)

Эвфемизирующая замена возможна благодаря большому семантическому объему пространственных предлогов русского языка и понижающим их отношениям семантической связи (синонимии и антонимии). Средства описания окружающей действительности (объективной по своей сути) избираются автором целенаправленно и отражают его осознанную прагматическую задачу (субъективного оценивания) [3], реализуемую «неприметными» единицами языковой системы [1, с. 92-100; 9, с. 106-120; 10, с. 12].

В историческом романе Ю.П. Германа «Россия молодая» предлогам также отводится большая коммуникативная роль. Они не только служат средством исторической стилизации и отражением местного (поморского) колорита и персонажной характеристики героев произведения, но и несут прагматическую нагрузку эвфемизации.

- *Господин же Кочнев отправится на Вавчугу к Баженину, с мастером Яном будет работать. Ты здесь — с Николсом, Тимофей — на Вавчуге с Яном. Так-то ладно и пойдет у нас работа.*
- *Значит, мы под ними?* — осторожно спросил Иван Кононович.
- *А сие как разумеешь, так и понимай!* — с досадой сказал Сильвестр Петрович. - *Вы под ними, они под вами, черт...*[7]

В цитируемом мини-диалоге прагматика предлогов *с* и *под*, вне описываемого контекста не связанных отношениями антонимии (или даже некоторого контраста), дает возможность усмотреть эвфемию в использовании предлога *с*. В речи столбника Иевлева, демонстрировавшего дипломатические возможности в предшествующих конфликтных ситуациях, вуалирование национальных, статусных, имущественных, политических, профессиональных характеристик коммуникантов (голландских корабельщиков и поморских лодейных мастеров) нацелено на общность деловых интересов (кораблестроения в России). Дополнительными маркерами такой интенции служит повтор *Господин же Кочнев отправится на Вавчугу к Баженину и Тимофей — на Вавчуге с Яном* и эмфаза, т.е. коммуникативная перспектива препозиции ремы (R→T). Прагматическую задачу продуцента вербализует комитативный предлог *с* в значении ‘вместе с, соучастно, совместно’. В данном случае возможность манипулятивной функции предлога в значительной степени реализуется через его

многозначность, объединяющую семантические оттенки пространства (локальные), времени (темпоральные), причины и следствия (каузальные), сравнения (компаративные), цели (финальные) и пр. [6, с. 75]. Замещение одного из значений полисемантического предлога сопряжено с иным видением предметной ситуации (переосмыслением) одним из реципиентов [13]. Прагматическая функция эвфемии оказывается невыполненной в результате декодирования (дешифрации) интенции продуцента.

Другой иллюстрацией эвфемии служит противопоставление пространственных предлогов *с* и *из*, эксплицирующим различную концептуальную картину пространства: *с* указывает на сцену «плоскость», а *из* – на сцену «объем». ...кто **с моря** заявился, тем всем чинят розыск: не есть ли они шведские воинские люди, пенюары, подсылы [7]. Мамка, рази тятка еще **с моря** не вынулся? [7] Кто **с моря** вынулся, тот прямой дорогой в баню, а оттуда в кружало[7]. Я вот иду и думаю: был такой раз, чтобы **с моря** вынулись и беды на берегу не ждали? [7] В обиходной речи продуценты используют первую версию, снижая таким образом стрессогенность промысла и представляя предметную ситуацию в смягченном виде. Указание на море как плоскость придает обыденность изображаемой и вуалированно вербализуемой ситуации. В то же время в официальном дискурсе использован в такой же ситуации предлог *из*, в силу объемности номинируемого объекта придающий иную степень опасности той же окружающей действительности. Так, Рябов употребляет версию *из моря* на суде в монастыре: *Монаси ...что делаете? Суд учинили? Кому? Тем, что только из моря вынулись, не поенным, не кормленным, не согретым? Чем пужаете? Подземельем? Не запужаете!* [7] Достаточно очевидная интенция кормщика раскрывается также с помощью авторской ремарки к персонажной речи: *шагнул ближе к судьям, заговорил громче, жестче* [7]. В диалоге с голландскими коллегами Рябов отказывается от эвфемии: *Скажи, Митрий, — кормщику своих дел по горло, едва вон из моря вынулся, сколько ден буря мотала, сколько карбасов побилось, успокоились те рыбаки на вечные времена...* Перед моряками нет необходимости вуалировать трудности профессии, а попытки манипуляции оценкой пространственной сцены обречены на провал ввиду общности их профессионального опыта. В контрастивной паре неантонимиченых предлогов *с* и *из* эвфемический потенциал заложен различием их семантики, инхоативно-финитивной [6, с. 75] у предлога *из* и аблятивной [6, с. 75] у предлога *с*, что дает им возможность различной расстановки смысловых акцентов в одной предметной ситуации.

Таким образом, обзор примеров эвфемии, выраженной посредством предлогов, служит убедительной аргументацией следующих выводов:

Эвфемия посредством предлогов возможна, несмотря на отнесение их к служебным частям речи, ввиду их высокой коммуникативной значимости.

Потенциал эвфемизации через предлоги определен их семантическим объемом и многозначностью, а также отношениями антонимии и контекстного антагонизма.

Посредством предлогов реализуется манипулирование концептуальной картиной, оценкой объективной внеязыковой действительности, в частности пространственной сцены.

1. Эвфемия посредством предлогов возможна, несмотря на отнесение их к служебным частям речи, ввиду их высокой коммуникативной значимости.
2. Потенциал эвфемизации через предлоги определен их семантическим объемом и многозначностью, а также отношениями антонимии и контекстного антагонизма.
3. Посредством предлогов реализуется манипулирование концептуальной картиной, оценкой объективной внеязыковой действительности, в частности пространственной сцены.

***

1. Баранов А.Н. Когнитивное моделирование значения: внутренняя форма как объяснительный фактор // Русистика сегодня. 1998. № 3-4. С. 92-100.
2. Блох М.Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель XXI в. 2007. № 1. С. 101–105.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. 123 с.
4. Булгаков М.А. Белая гвардия: Мастер и Маргарита: романы. Мн.: Юнацтва, 1988. 670 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1986, 564 с.

6. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1977. Т. 3. Лексикология и лексикография. 312 с.
7. Герман Ю.П. Россия молодая. https://booksafe.net/read/german_yuriy-rossiya_molodaya_kniga_1-82399.html
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 385 с.
9. Крейдлин Г.Е., Поливанова А.К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 106-120.
10. Лукин О.В. Историко-философские обоснования и типологический статус теории частей речи: автореф. дис. докт. филол. наук. М., 2006. 38 с.
11. Нелюбин Л.Л. Перевод боевых документов армии США. М.: Воениздат, 1989. 270 с.
12. Салимова Д.А. Части речи в разноструктурных языках. Системно-функциональный подход (на материале татарского и русского языков). автореф. дис. докт. филол. наук. Казань, 2001. 52 с.
13. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Ленинград, 1989. 181 с.
14. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Советская энциклопедия: 1990. 688 с

SECTION V. ECONOMIC SCIENCES

Пасечник М.А., Оганесян Т.Л.

Особенности современной аграрной политики России

*Кубанский Государственный Технологический университет**(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/gqws-01-2023-06

Аннотация

В статье рассматривается специфика и приоритеты современной аграрной политики России. Аграрная политика считается одним из направлений государственной экономической политики. Меры и направления аграрной политики позволяют определить ее специфику и особенности аграрных отношений в современных условиях. Такой подход предполагает, что экономическая политика страны по отношению к сельскому хозяйству и АПК в целом отражает объективные закономерности развития агропромышленного производства и оказывает воздействие на экономические, социальные, экологические характеристики сельскохозяйственной экономики.

Ключевые слова: Аграрная политика, направления государственного регулирования АПК, продовольственная безопасность.

Abstract

The article discusses the specifics and priorities of the modern agrarian policy of Russia. Agrarian policy is considered one of the directions of the state economic policy. Measures and directions of agricultural policy make it possible to determine its specifics and features of agrarian relations in today's conditions. This approach assumes that the country's economic policy in relation to agriculture and the agro-industrial complex as a whole reflects objective patterns of development of agro-industrial production and has an impact on the economic, social, environmental characteristics of the agricultural economy.

Keywords: Agrarian policy, directions of state regulation of agriculture, food security.

Аграрная политика считается одним из направлений государственной экономической политики. Меры и направления аграрной политики позволяют определить ее специфику и особенности аграрных отношений в современных условиях. Такой подход предполагает, что экономическая политика страны по отношению к сельскому хозяйству и АПК в целом отражает объективные закономерности развития агропромышленного производства и оказывает воздействие на экономические, социальные, экологические характеристики сельскохозяйственной экономики.

Аграрную политику нельзя ограничивать только системой разработанных мер, содержащихся в принимаемых решениях и законодательных актах. Современная аграрная политика сопряжена с разработкой и реализацией финансовой стратегии и тактики эффективного формирования всего АПК в соответствии с требованиями объективных экономических законов.

Большая часть современных ученых придерживаются точки зрения, в соответствии с которой, ключевыми тенденциями аграрной политики считаются: регулирование характеристик продовольственного рынка; обеспечение населения необходимым количеством продовольствия [4].

К примеру, Л. Усенко говорит, что «вопросы доступа к продовольствию являются одной из составных частей геополитики государства». Важность сельского хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности и независимости страны не зависит ни от политического строя, ни от социально-экономической формации. Еще в начале XX века было замечено, что

«хотя сельское хозяйство и теряет в экономическом масштабе по отношению к промышленности, но велико его политическое значение» [3].

Несколько ученых в качестве дополнительных направлений аграрной политики акцентируют: развитие современного конкурентоспособного производства в АПК; кадровое обеспечение АПК; формирование концепции функционирования малого агробизнеса (формирование кооперативов с целью решения задач производства, переработки, реализации сельскохозяйственной продукции) [3].

Таким образом, аграрная политика – это составная часть экономической политики страны в сфере сельского хозяйства и агропромышленного производства. Сущность аграрной политики определяется ее целями, задачами, направлениями и мерами реализации. Приоритетами современной аграрной политики являются: обеспечение продовольственной безопасности, развитие и внедрение инноваций, сохранение ресурсного потенциала комплекса.

Проблема продовольственной безопасности довольно непростая и многоаспектная, ее можно рассматривать как по отношению к отдельно взятому государству, так и на международном уровне, она касается каждого человека и интересы страны в целом. Для экономики Российской Федерации проблема продовольственной безопасности, по-прежнему, одна из важнейших и в политической, и в социально-экономической жизни страны.

В принятой в 2010 г. Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации установлено, что состояние экономики государства, при котором гарантируется физическая и экономическая доступность для населения продовольствия в соответствии с оптимальными нормами потребления считается главным обстоятельством обеспечения продовольственной независимости. Степень продовольственной безопасности, как правило, оценивается по критерию самообеспеченности страны продовольствием.

Совокупный объем произведенной сельскохозяйственной продукции в 2022 году в фактически действовавших ценах увеличился на 31,8% по сравнению с объемами производства 2021 г. В 2021 г. Российская Федерация занимала 3-е место в мире по производству картофеля, 4-е место по производству сахарной свеклы, 5-е и 7-е места по производству молока, мяса и зерна соответственно [2]. Прирост был достигнут в основном за счет увеличения производства в сфере растениеводства, в животноводстве показатели гораздо скромнее – всего лишь 11,1%.

Однако даже при таких темпах роста, Россия целиком не обеспечивает себя необходимым количеством продовольствия. Средний уровень самообеспечения России продовольствием составляет около 80%. В 2021 году за счет собственного производства обеспечивалось удовлетворение потребностей в мясе на 72,2%, молоке на 80,5%, картофеле на 79,5%. [5] Импортируется свежее и мороженое мясо, фрукты, молочные продукты, сыры, пальмовое масло, сахар-сырец и другая продукция.

Доступность для населения продовольствия зависит от уровня цен и реального размера доходов населения. Индекс цен на продовольственные товары в 2022 г. составил 103,9% что значительно ниже показателя предыдущего года [4]. По основным группам продовольственных товаров происходил постепенный рост цен, в основном не превышающий уровня в 10%.

В целом потребление ключевых видов продуктов питания в минувшие годы находится на стабильном уровне. Однако, в случае, если сопоставить объемы потребления основных видов продуктов в Российской Федерации и иных государствах, то возможно отметить, что жители России в значительно меньших объемах потребляют мясо, рыбу, фрукты. Нехватка калорий в рационе возмещается потреблением картофеля и хлебобулочных изделий.

Еще одним приоритетом аграрной политики Российской Федерации считается поощрение исследований и внедрения инновационных технологий в абсолютно всех секторах АПК.

Но, в последние годы не прекращается тенденция уменьшения инновационной деятельности в области сельскохозяйственной науки. Каждый год остаются невостребованными большое число инновационных исследований.

Главным фактором этого считается недостаточный уровень платежеспособности многих предприятий АПК, которые просто не могут себе позволить расходовать ресурсы на внедрение передовых технологий, покупку нового оснащения, техники.

В нынешних обстоятельствах особенно актуальной становится проблема стимулирования освоения академических достижений, как для сельскохозяйственной науки, так и для товаропроизводителей АПК. Процедура стимулирования изучения научных достижений обязан включать все этапы, начиная от разработки и апробации инновационных идей и проектов и заканчивая их введением в производство. Это даст возможность реализовать технологическое обновление, улучшать технологические процессы производства и переработки сельскохозяйственной продукции.

Одним из обстоятельств эффективного формирования сельскохозяйственного сектора является наличие грамотных трудовых ресурсов – сотрудников, обладающих техническими, агрономическими, экономическими познаниями. Человеческий фактор способен и обязан выступить источником увеличения производительности и конкурентоспособности не только АПК, но и всей российской экономики. Это напрямую сопряжено с решением стратегических задач по осуществлению аграрной политики, развитию эффективного конкурентоспособного производства, способного гарантировать продовольственную безопасность страны.

Если оценивать потенциал АПК России, то по основным видам ресурсов, необходимых для сельскохозяйственной деятельности наша страна абсолютно самодостаточна. Российская Федерация обладает огромной территорией с умеренным климатом, существенной площадью плодородных земель, запасом топливно-энергетических ресурсов. Безусловно, имеются трудности в обеспечении АПК высококвалифицированными кадрами по единичным специальностям, а также профессиям. Не до конца разрешена проблема с обеспечением сельскохозяйственных предприятий современной техникой и оснащением.

В последнее время прослеживается снижение количества занятых в отраслях АПК и непосредственно сельском хозяйстве. Основное обстоятельство уменьшения численности занятых на сельскохозяйственных предприятиях – низкий уровень заработной платы. В 2022 г. среднемесячная заработная плата по экономике в целом составила – 28,7 тыс. руб., а для сотрудников сельскохозяйственных предприятий почти в 2 раза меньше, всего 16,3 тыс. рублей [1].

Значительную опасность для формирования агропромышленного комплекса Российской Федерации составляет состояние материально-технических ресурсов. Уровень износа ключевых производственных фондов в области аграрного хозяйства в 2022 году составила 43,7%. Данный показатель, конечно, немного ниже аналогичного процента, например, за 2019 г., когда показатель износа основных производственных фондов сельскохозяйственных предприятий составлял – 48,3%, но тем не менее уровень износа существенный. [5].

Подведем итоги всего, что мы рассмотрели ранее. Степень формирования АПК определяет уровень экономической защищенности государства, а также, оказывает большое влияние на социально-экономическое состояние населения. В связи с этим в экономической политике страны особый интерес должен уделяться сельскохозяйственной политике. Решение трудностей продовольственной безопасности, формирование агропромышленного производства с учетом современных инновационных технологий, сохранение ресурсного потенциала комплекса – все это, без исключения, считается приоритетами современной аграрной политики России.

***

1. Петриков, А. Задачи развития в аграрном секторе / А. Петриков // Экономист. – 2019. – № 3. – С. 3-5;
2. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011: Стат.сб./ Росстат. – М., 2018. – 446 с.
3. Усенко, Л.Н. Аграрная экономика: единство в многообразии / Л.Н. Усенко. – Р-н-Д: Изд-во РИНХ, 2020. – С. 5.
4. Ведута Е.Н. Стратегия и экономическая политика государства. М.: Академический проект, 2003. 462 с.
5. Аграрный строй в России: прошлое, настоящее, будущее. Под ред. д-ра экон. наук В.Е. Есипова. СПб: Изд-во: СПбГУ, 2021, 316 с.

SECTION VI. JURISPRUDENCE

Анисимов А.А.

Мошенничество с использованием электронных средств платежа: современные способы совершения

Центральный филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/gqws-01-2023-07

Аннотация

В статье анализируются способы совершения такого преступления, как мошенничество с использованием электронных средств платежа. Рассматриваются наиболее типичные ситуации, когда потерпевший невольно сам способствует совершению таких преступлений; рассказывается о технических способах собирания информации о пин-кодах банковских карт, что предшествует совершению мошенничества.

Ключевые слова: мошенничество, способ совершения преступления, электронное средство платежа, банковская карта, ущерб.

Abstract

The article analyzes the ways of committing such a crime as fraud using electronic means of payment. The most typical situations when the victim unwittingly contributes to the commission of such crimes are considered; the technical methods of collecting information about bank card PIN codes, which precedes the commission of fraud, are discussed.

Keywords: fraud, method of payment, electronic means of payment, Bank card, damage.

Информационные технологии плотно вошли в повседневную жизнь человека, т.к. они облегчают нашу жизнь, расширяют границы общения, позволяют дистанционно выполнять различные действия. С развитием электронных технологий выросло и количество преступлений, совершаемых в данной сфере, одним из которых является мошенничество с использованием электронных средств платежа. Для того, чтобы иметь возможность противодействовать совершению таких преступлений, необходимо знать способы и механизмы их совершения.

Одна из основных задач мошенников при совершении подобных преступлений – это узнать пин-код карты, а затем, по возможности, изъять ее каким-либо образом у законного владельца (или узнать ее реквизиты) для совершения финансовых операций с денежными средствами, находящимися на балансе, или использовать иным образом – чаще всего для оплаты покупок. В этой связи первым этапом совершения мошенничества в данной сфере является завладение пин-кодом банковской карты, необходимым для совершения каких-либо действий с денежными средствами или для оплаты товаров или услуг за счет владельца [1].

Наиболее распространенными схемами мошенничества в данной сфере являются следующие:

1. Разглашение сведений о пин-коде самим держателем карты. Имеется в виду, к примеру, запись пин-кода на самой карте или каком-либо ином носителе (лист бумаги, записная книжка, мобильный телефон, и т.п.), хранимом владельцем. Соответственно, если карта утеряна или украдена (вместе с сумкой, бумажником, смартфоном и др.), то у мошенника оказывается и банковская карта, и персональный пин-код [2].

2. Так называемое «дружественное мошенничество». В данном случае понимается использование в своих целях карты с предварительной осведомленностью о пин-коде банковской карты членами семьи, детьми, близкими друзьями, в отдельных случаях – и коллегами по работе.
3. Еще один способ – подглядывание, иногда его называют «подглядывание из-за плеча». Мошенник может узнать пин-код держателя банковской карты (даже подглядывая из-за его плеча), пока тот вводит код в каком-либо банкомате. Затем злоумышленник осуществляет кражу карты и использует ее в своих целях. Как правило, такой способ встречается в больших торговых центрах, или при скоплении людей, когда у жертвы имеется чувство защищенности и уверенности в своих действиях.
4. При оплате счетов в кафе и ресторанах в ряде случаев официанты уносят банковские карты владельцев к терминалу оплаты. Вне зоны видимости легко можно переписать все цифры с карты владельца и потом вводить их, делая покупки в сети «Интернет». Также можно провести транзакцию два или три раза, а в случае обнаружения такие действия всегда можно «списать» на технический сбой электронной системы оплаты [3].
5. Один из самых сложных и дорогостоящих способов – это установка фальшивых банкоматов. Мошенники разрабатывают и производят фальшивые банкоматы, либо переделывают старые или списанные, которые выглядят как действующие. Размещаются банкоматы, как правило, в оживленных местах – чаще всего, на улице или в подземном переходе. После введения банковской карты и пин-кода обычно на дисплее фальшивого банкомата появляется надпись, что денег в банкомате нет, или что банкомат неисправен, или временно не обслуживается. Владелец карты забирает ее и уходит, но к тому времени мошенники уже скопировали с карты информацию о счете данного лица, получив возможность пользоваться или распоряжаться денежными средствами владельца [6].
6. Копирование магнитной полосы карты – скримминг (от англ. «skimming» – снимать, просматривать). Данный вид мошенничества предусматривает использование особых видов устройств, считывающих информацию с магнитных полос банковских карт. При проведении владельцами карт операций через банкоматы или электронные терминалы, злоумышленники копируют магнитную полосу такой карты. В непосредственной близости от банкоматов злоумышленники устанавливают миниатюрные видеокамеры, следящие за движением рук клиентов, чтобы получить сведения о пин-коде [8].
7. Создание ложного пин-пада – устройства для ввода карты в банкомат. Держателю карты может быть предложено ввести пин-код не в настоящее устройство для ввода пин-кода, а в его имитацию, которая запоминает введенный код и реквизиты карты. Такие ложные устройства иногда устанавливают рядом со считывающими датчиками, предназначенными для прохода в помещение с банкоматом с использованием в качестве идентификатора (электронного ключа) банковской карты.
8. Разновидностью данного способа является изготовление специальной накладки на клавиатуру банкомата, которая считывает и запоминает последовательность нажатия клавиш; для реализации этой схемы необходимо ещё одно устройство, копирующее информацию с магнитной полосы в момент совершения транзакции. После этих действий у банковской карты появляется поддельный «брат-близнец» в виде еще одной такой же карты.

9. Еще один способ – фишинг (от англ. «phishing» – ловить рыбу; в вольном переводе это еще обозначает и «закидывать удочку»). Термин появился для обозначения схем, в результате которых путем обмана становятся доступны реквизиты банковской карты и пин-код. Чаще всего используется в виде рассылки через сеть «Интернет» писем от имени банка или платежной системы с просьбой подтвердить указанную конфиденциальную информацию на сайте организации [7].
10. Еще одним способом является вишинг (от англ. – «voice fishing» – ловля на голос) – это, по сути, голосовой фишинг, использующий технологию, позволяющую автоматически собирать информацию, такую как номера карт и счетов. Мошенники моделируют звонок автоинформатора, получив который держатель получает следующую информацию:
  - автоответчик предупреждает потребителя, что с его картой производятся мошеннические действия, и дает инструкции – перезвонить по определенному номеру немедленно;
  - когда по этому номеру перезванивают, на другом конце провода отвечает смоделированный компьютерный голос, сообщающий, что человек должен пройти сверку данных и ввести номер карты или другие данные;
  - как только данные введены, виновное лицо становится обладателем необходимой информации и имеет возможность совершать любые действия с такой банковской картой настоящего владельца [8].
11. Самый простой и жесткий способ – это ограбление держателей банковских карт. В России – это самый незамысловатый и достаточно часто встречающийся способ. Владелец карты снял наличные деньги – затем его выследили и отобрали ценное имущество, получив еще при этом и платежную карту, а иногда и «выбив» у владельца ее пин-код.
12. Один из самых сложных способов – это создание компьютерного вируса, поражающего банкоматы и иные устройства. Новейшим изысканием мошенников становится разработанный (модифицированный) компьютерный вирус, который отслеживает производимые по карте операции и похищает информацию с банковских карт, передавая ее мошенникам. Но разработать, создать и внедрить вредоносную программу для банкомата очень сложно – мошенникам приходится использовать специфические операционные системы и осуществлять связь по защищенным сетям, поэтому данный способ в настоящее время встречается крайне редко [5].
13. Еще один способ – использование платежной карточки с технологией бесконтактной оплаты pay-pass (пэй-пасс). Эта система разрешает производить оплату на сумму не более 1000 руб. без ввода пин-кода. Преступники пользуются и такой возможностью, потому что для осуществления операции нужно лишь приложить переносное устройство (терминал) к сумке или одежде человека, в том месте, где находится его платежная карта. Осуществить такую операцию можно достаточно незаметно в местах с большим скоплением народа (как правило, в «час пик» в метро, в «давке» в каком-либо виде транспорта, на концерте или ином подобном мероприятии, и т.п.), выследив, куда потенциальная жертва прячет банковскую карту после оплаты [6].
14. Фарминг – еще один способ (от англ. «farming» – занятие сельским хозяйством) совершения мошенничества. Персональные данные пользователя фармеры получают не из электронной почты, а через официальные веб-сайты.

Мошенники просто меняют адрес страницы банка или кредитной организации на поддельный и перенаправляют пользователя на такой сайт.

На практике встречаются и разновидности предыдущих способов, например, СМС-мошенничество. Обычно владельцу карты приходит сообщение на сотовый телефон, что карта заблокирована, а для ее разблокировки предлагается сделать обратный звонок оператору финансового учреждения по указанному в СМС номеру. При таком звонке мошенник представляется сотрудником банка-эмитента карты, или представителем службы безопасности, и просит дать определенную информацию: номер, кодовое слово или цифры пин-кода, якобы необходимые для разблокировки. В ряде случаев мошенники, получив необходимую информацию и изготовив дубликат карты, не спешат воспользоваться ею немедленно, а предпочитают снимать деньги или оплачивать услуги в других государствах, что также создает определенные проблемы установления и поиска виновных [4].

***

1. Уголовное право России. Особенная часть: учебное пособие / А.А. Анисимов, И.В. Белоусов, Е.А. Буданова и др. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2014. 647 с.
2. Мусьял И.А. Мошенничество с использованием платежных карт // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 147-151.
3. Кузнецов В.А. Мошенничество в сфере безналичных расчетов с использованием банковских карт // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2007. № 1. С. 48-54.
4. Дюсембина Д.Н., Зотина П.С. Анализ ситуации мошенничества с банковскими картами в России и за рубежом // Потенциал Российской экономики и инновационные пути его развития: сборник конференции, состоявшейся 12.04.2016 г. Омск: Наука, 2016. С. 308-312.
5. Жердев П.А. Использование специальных знаний при расследовании мошенничества с использованием платежных карт // Криминалистика и судебноэкспертная деятельность в условиях современности: материалы Международной научно-практической конференции (26.04.2013 г.): в 2 т. Т. II. Краснодар: Изд-во Краснодарского университета МВД России, 2013. С. 223-229.
6. Карева Е.И. Мошенничество с пластиковыми картами в России // Молодой ученый. 2015. № 1. С. 325-328.
7. Лебедева А.А. Хищение денежных средств со счетов платежных карт // Безопасность бизнеса. 2018. № 1. С. 59-64.
8. Саблина Т.И., Никитенко И.В. Мошенничество с использованием платежных карт: вопросы теории, законодательства и практики его применения // Молодой ученый. 2017. № 48. С. 274-276.

Каплунова Н.А.

Защита прав личности по Гражданскому кодексу Китайской Народной Республики в эпоху новых технологий: возможности рецепции для российского правопорядка

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/gqws-01-2023-08

Аннотация

Поставлен вопрос актуальности для современного российского общества проблемы создания собственной концепции защиты гражданских прав и прав личности. Установлено, что решение этой проблемы зависит от процессов правотворчества. Рецепция рассмотрена как вид правотворчества. Осуществлена оценка возможности рецепции для российского правопорядка по отношению к Китайской Народной Республике. Дан анализ содержания правовых норм Гражданского кодекса КНР, посвященных защите прав личности. Определены возможные перспективы по совершенствованию действующего российского гражданского законодательства с учетом опыта Китая.

Ключевые слова: защита, гражданские права, права личности, рецепция, правотворчество, гражданский кодекс, новые технологии, Китайская Народная Республика, Россия.

Стратегической социально-политической целью современной России является создание самобытной национальной концепции защиты гражданских прав и прав личности, основанной на идеях гуманизма, учитывающей опыт зарубежных стран, а также достижения в области современных технологий. Рецепция как вид правотворчества и инструмент совершенствования национального права, учитывающий правовой опыт иностранных государств, обуславливает достижение поставленной цели. По отношению к России целесообразно рассматривать дозированное правовое заимствование.

Правовая рецепция – это культурно-юридическое явление, имеющее универсальный характер для любой правовой системы, по своей сути представляющее вид правотворчества, основанного на потребности заимствования одним государством нормативно-правового материала другого государства, внешне выражающееся в подборе, изучении, адаптации (внедрении) и восприятии такого материала в целях развития и (или) модернизации национального права, а также имеющее внутреннюю идеологическую составляющую, выраженную в возможности влияния одной страны на развитие другой страны.

Далее осуществим оценку возможной рецепции для российского правопорядка по отношению к Китайской Народной Республике.

История установления взаимоотношений Российского государства и Китая восходит к Петровской эпохе, в период создания и действия Русской духовной миссии в Пекине, образованной Указом Петра I от 18 июня 1700 года, целью которой среди прочих было предоставить возможность русским ученым исследовать Китай. На современном этапе исторического развития два мировых лидера в долгосрочной перспективе придерживаются «отношений добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования», что закреплено в статье 1 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года. Согласно статье 16 указанного договора «Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права». Во исполнение этого положения 6 декабря 2012 г. в Москве был подписан План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной области.

Вступивший в законную силу 1 января 2021 года Гражданский кодекс Китайской Народной Республики включает семь книг, из которых четвертая посвящена правам личности, статьи с 989 по 1039. В части защиты прав личности правовой акт нацелен на создание правового механизма защиты прав личности в эпоху высоких технологий и больших данных, с учетом тенденции влияния на человеческое общество сети «Интернет» и искусственного интеллекта. Положения норм ГК КНР представляют собой ответ на вызов о пересмотре традиционного взгляда на защиту гражданских прав и прав личности с точки зрения новых технологий. Среди способов защиты прав личности кодексом установлены: прекращение нарушения, устранение неудобств, устранение опасности, устранение неблагоприятных последствий, восстановление репутации, принесение извинения (статья 995), уплата компенсации (статья 1022); предусмотрена судебная форма защиты в виде принятия соответствующих мер народным судом: объявление, публикация окончательного решения суда через средства массовой информации (газеты, периодические издания или онлайн-сайты) (статья 1000).

В статьях с 1018 по 1023 ГК Китайской Народной Республики речь идет о праве на подобие (изображение): использование изображения такими способами, как публикация, копирование, распространение, сдача в аренду или демонстрация возможно только с согласия его владельца; кодексом прямо запрещено нарушать право на изображение путем его очернения или искажения или иным способом, таким как фальсификация с использованием информационных технологий.

На уровне ГК Китайской Народной Республики регламентируется такое право физических лиц как право на неприкосновенность частной жизни и защита персональной информации (ст.ст. 1032-1039). Примечательно, что в состав персональной информации китайское гражданское законодательство включает биометрическую и медицинскую информацию.

Китайский законодатель устанавливает поведенческие границы для людей, используя такие термины как «тревожить частную жизнь других лиц», «входить», «подглядывать за частным пространством», «подслушивать» и т.п., он стремится дать, своего рода, наставления в сфере защиты прав личности, а не установить меры устрашения.

Важным аспектом социокультурного взаимодействия и формирования общего правового пространства, является глубокая историческая привязанность народов России и Китая к базовым человеческим ценностям, а также стремление к экономическому и социальному прогрессу. Немаловажным является такой аспект как социалистическое прошлое нашего государства и социалистическое настоящее Китая.

Считаем возможным поэтапное восприятие российским гражданским правом правового материала китайского гражданского законодательства в сфере защиты гражданских прав и прав личности. Институт защиты гражданских прав в Российской Федерации может быть усовершенствован путем рецепции норм китайского гражданского права в области защиты прав личности, так как современные политико-правовые культуры Китая и России учитывают влияние технологий искусственного интеллекта, сетевых технологий, технологии данных и биотехнологий.

В действующих гражданско-правовых нормах Российской Федерации допустимо: отразить перечень прав личности, сформулировать легальное определение прав личности, сформулировать меры гражданской правовой ответственности с учетом профессионального статуса виновного лица, пересмотреть отечественное понятие персональных данных с учетом включения в него биометрической и медицинской информации. Таким образом, возможно внесения изменений в статью 2 Конституции Российской Федерации, статью 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и в Федеральный закон «О персональных данных».

***

1. Беляева Е.А. Исторические предпосылки российско-китайского социокультурного взаимодействия // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-predposylki-rossiysko-kitayskogo-sotsiokulturnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 06.11.2022).
2. Наблюдатель за правосудием Китая [Электронный ресурс] : Портал законов Китая : [сайт]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/topics/civil-code> (дата обращения: 06.11.2022).
3. Президент России [Электронный ресурс]: Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 04.11.2022).
4. Сокольская Л. В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-kak-istoricheskaya-forma-pravovoy-akkulturatsii-1> (дата обращения: 25.10.2022).
5. Ткаченко С. В. Идеологический компонент рецепции права // Юридические записки. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskii-komponent-retseptsii-prava> (дата обращения: 24.10.2022).
6. Электронный фонд документов федерального и регионального законодательства, нормативной технической документации и авторского справочного контента: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014828?marker=65001L> (дата обращения: 04.11.2022).
7. Яо Л. Правовое обеспечение прав человека в Гражданском кодексе КНР в условиях развития новых технологий // Lex Russica. 2021. №4 (173). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-prav-cheloveka-v-grazhdanskom-kodekse-knr-v-usloviyah-razvitiya-novyh-tehnologiy> (дата обращения: 06.11.2022).

SECTION VII. MEDICAL SCIENCES

Харитонов Д.В.^{1,2}, Сапожников В.Г.¹

Течение хронического эрозивного гастродуоденита у детей в связи с типом конституции

¹ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»²ГУЗ «Тульская детская областная клиническая больница

(Россия, Тула)

doi: 10.18411/gqws-01-2023-09

Аннотация:

Исследовано 54 ребенка в возрасте от 12 до 18 лет (34 мальчика, 20 девочек) с хроническим эрозивным гастродуоденитом в зависимости от типа конституции, выявляемого с помощью определения индекса Пинье по методике М. В. Черноруцкого. Всем больным проводилась эзофагогастродуоденоскопия с забором биопсийного материала с последующим патогистологическим исследованием, аэротест на *Helicobacter pylori* (Hp), серологическое исследование на выявление Ig G и М к Hp, объективное обследование больных. Среди детей с эрозивным гастродуоденитом преобладали астеники (68,5%), реже встречались гиперстеники (18,5%) и нормостеники (13% от общего числа больных детей).

Ключевые слова: дети, тип конституция, эрозивный гастродуоденит.

Abstract:

A study was conducted on 54 children aged 12 to 18 years (34 boys, 20 girls) with chronic erosive gastroduodenitis, depending on the type of constitution, detected by determining the Pigne index according to the method of M. V. Chernorutsky. All patients underwent esophagogastroduodenoscopy with biopsy sampling followed by pathohistological examination, an aerotest for *Helicobacter pylori* (Hp), a serological test for the detection of Ig G and M to Hp, and an objective examination of patients. Among children with erosive gastroduodenitis, asthenics prevailed (68.5%), hypersthenics (18.5%) and normosthenics (13% of the total number of sick children) were less common.

Key words: children, constitution, erosive gastroduodenitis.

Каждый 3-4 ребенок, обращающийся в поликлинику, жалуется на боли в животе [1].

В 78% случаев у больных в возрасте 12-18 лет основным диагнозом является хронический гастродуоденит – хроническое, имеющее склонность к рецидивированию, воспалительное заболевание стенки желудка и двенадцатиперстной кишки с развитием в ней различных патоморфологических изменений, в стадии обострения сопровождающееся гиперацидностью желудочного содержимого [1].

Материалы и методы. Нами было обследовано 54 ребенка в возрасте от 12 до 18 лет (34 мальчика, 20 девочек), находившихся на стационарном лечении в ГУЗ «Тульская детская областная клиническая больница», а также в дальнейшем наблюдавшихся амбулаторно с ХЭГД.

Диагноз ХЭГД выставлялся на основании общеклинического лабораторного (серологическое исследование крови с целью определения Ig G, М к Hp), инструментального обследования (эндоскопическое исследование пищевода, желудка, двенадцатиперстной кишки аппаратами «Olimpus» моделей GIF XPE, GIF XP с забором биопсийного материала из 4-5 участков слизистой желудка и двенадцатиперстной кишки с дальнейшим патогистологическим исследованием с окраской срезов гематоксилин-эозином, импрегнацией азотнокислым серебром по Вартину-Старри, Куприянову, Кампосу в том числе с целью верификации Hp. Кроме этого всем обследованным проводился аммиачный дыхательный тест с помощью компьютеризированного индикатора ХЕЛИК®-аппарата (производитель ООО «АМА») для

выявления H_p . Чувствительность данного метода выявления H_p составляет 95%, специфичность – 92%.

Эндоскопическое исследование верхних этажей пищеварительного тракта проводилось обследованным детям при поступлении в стационар в стадии обострения ХЭГД, через 9-10 суток после начала этиопатогенетической, в том числе антихеликобактерной эридикационной терапии, и на 21 сутки от начала лечения.

Для установления типа конституции всем больным детям с ХЭГД при поступлении в стационар определялся индекс Пинье (ИП) по методике М. В. Черноруцкого.

Результаты и обсуждение. Среди обследованных нами 54 детей с ХЭГД в возрасте от 12 до 18 лет было 34 мальчика (63%) и 20 девочек (37%).

Для определения типа конституции нами был применен метод М. В. Черноруцкого. При данной методике для оценки типа конституции используются следующие показатели: масса тела, рост, окружность грудной клетки. На основании этих параметров рассчитывали ИП по формуле:

$ИП = \frac{\text{длина тела, кг} - \text{масса тела, кг} - \text{объем грудной клетки в покое, см}}{100}$

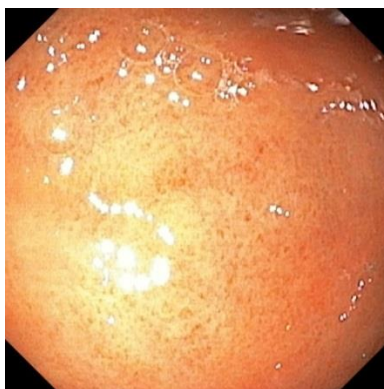
Как было установлено (табл. 1), среди пациентов с ХЭГД явно преобладали дети с астеническим типом конституции (68,5%), реже встречались гиперстеники (18,5%) и нормостеники (13%). Гендерных статистических достоверных различий в частоте встречаемости различных типов конституции среди больных с ХЭГД установлено не было.

Таблица 1

Распространение детей с ХЭГД в зависимости от типа конституции

Тип телосложения	ИП	Число больных, %
Астенический (А)	>30	37 (68,5%)
Нормостенический (Н)	10-30	7 (13%)
Гиперстенический (Г)	<10	10 (18,5%)

Таким образом, этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что дети с астеническим типом телосложения в силу выявленных особенностей функционирования и реагирования на неблагоприятные внешние факторы их центральной, периферической нервной системы, эндокринных органов, всех звеньев иммунитета, кислотообразование в желудке при прочих равных условиях гораздо чаще, чем гиперстеники и нормостеники склонны к развитию в их желудке и двенадцатиперстной кишке воспалительных изменений (рис. 1) в виде точечных деструктивных очагов на слизистой, именуемых эрозиями.

Рисунок 1. Эндоскопическая картина двенадцатиперстной кишки девочки 17 лет с ХЭГД в стадии обострения. Несколько эрозий слизистой стенки двенадцатиперстной кишки.

***

1. Сапожников В. Г. Эхографические критерии патологии органов гастроуденальной зоны у детей. Диссертация д-ра мед. наук. Витебск, 1992; 371 с.

Moskalec O.V.

Some features of the immunoreactivity in ophthalmoherpes

*Moscow Regional Research Clinical Institute
named after M.F.Vladimirskij
(Russia, Moscow)*

doi: 10.18411/gqws-01-2023-10

Abstract

The results of a study of some indicators of the immune status (immunoglobulins, circulating immune complexes, phagocytic activity of neutrophils) in patients with ophthalmic herpes are presented. It has been shown that the inclusion of immunotropic drugs (Aktipol, polyoxidonium) in complex therapy is accompanied by positive clinical and laboratory dynamics and leads to an extension of the relapse-free period.

Key words: ophthalmoherpes, keratouveitis, immunoglobulin, phagocytosis, immunotropic drugs.

Аннотация

Представлены результаты исследования некоторых показателей иммунного статуса (иммуноглобулины, циркулирующие иммунные комплексы, фагоцитарная активность нейтрофилов) у больных с офтальмогерпесом. Показано, что включение в комплексную терапию иммуотропных препаратов (актипол, полиоксидоний) сопровождается положительной клинико-лабораторной динамикой и приводит к удлинению безрецидивного периода.

Ключевые слова: офтальмогерпес, кератouveит, иммуноглобулины, фагоцитоз, иммуотропные препараты.

Introduction

The urgency of the problem of herpetic keratitis uveitis (HC) is due to the severe course of the disease, frequent relapses and, as a result, a high frequency of disability, the development of numerous complications, including those due to secondary bacterial or fungal infection. Most often, the role of the etiological factor is the herpes simplex virus, in second place is CMV. At the same time, the intensification of treatment is often accompanied by a syndrome of endogenous intoxication, hematopoiesis suppression, and toxic damage to internal organs. Therefore, despite the undoubted success of pharmacotherapy, the search for rational approaches to treatment continues. Of course, the state of the immune system, including the balance of pro- and anti-inflammatory cytokines, has a significant impact on the course of the disease and its outcomes. Therefore, the inclusion of immunomodulators in the complex treatment is quite justified. Latent herpesvirus infection is one of the risk factors after surgical uveitis. Infectious agents carry antigenic determinants on their surface, as a result of which mimic epitopes appear that have cross-reactivity with uvearetinal antigens, which further leads to the development of severe forms of autoimmune keratouveitis

The aim

The purpose of the study was to assay a number of parameters of humoral immune response (immunoglobulins A, M, G, circulating immune complexes), phagocytosis in patients with herpetic keratouveitis complicated by secondary infection, to justify the inclusion of immunotropic drugs in complex therapy.

Patients and methods

We examined 18 people aged 18-74 years with recurrent HC, complicated by corneal ulcers and erosions, secondary glaucoma, corneal abscess with perforation. The diagnosis of HC was verified by PCR. In a microbiological study, a mixed infection was determined in the cultures from the nose in all patients - acanthamoeba, hemolytic streptococcus.

Para-aminobenzoic acid in the form of eye drops 0.007% (Aktipol) and azoximer bromide (polyoxidonium) 6 mg intramuscularly No. 10 are included in the complex treatment regimen for patients.

In all patients, the content of IgG, IgA, IgM, CIC, as well as indicators of phagocytosis (latex test, HCT test) were determined in the peripheral venous blood before treatment, during treatment and after treatment.

Results

It was found that, despite the activity of the inflammatory process, only in 5 patients (30%) the level of IgM exceeded the reference intervals. Half of the patients had a slight decrease in IgG levels. An increase in the absorption capacity of neutrophils (latex test) was noted in 3 patients (16.6%), and in the digestion capacity (NBT-test) - in 6 (33.3%).

All patients showed changes in the content of the CEC, but they were multidirectional: in 4 patients (22%) small molecular CECs were increased, in 11 patients (66%) large molecular CECs, in 8 patients (44%) small molecular CECs were reduced, and in 5 patients (27%) - large molecular CEC. Changes in the content of immunoglobulins and phagocytosis indices did not correlate with the CEC level.

After the inclusion of actipol and polyoxidonium in the treatment regimen, an increase in the digesting ability of neutrophils was noted in 2/3 of patients. Latex test parameters became normal in all patients. In half of the patients with initially altered CEC levels, the indicators returned to normal.

Positive clinical dynamics was observed in all patients. Even in the case of subsequent keratoplasty, the newly transplanted cornea healed without complications. Upon further follow-up for 2 years, it turned out that only 1 patient (5.5%) had a relapse.

Conclusion

The course and outcome of HC, complicated by a secondary infection, is largely determined by the state of the humoral and phagocytic immunity. The appointment of immunomodulatory therapy is pathogenetically justified, confirmed by clinical improvement, including the lengthening of the relapse-free period.

***

2. Aksenova S.V., Malkina M.V., Sedojkina A.V. Iskhody gerpeticheskikh keratitov v zavisimosti ot immunnogo statusa pacientov //Vestnik Mordovskogo universiteta. T26. №2. S.160-167.
3. Zajnutdinov G.H. Sovremennye podhody k lecheniyu i profilaktike recidivov oftal'mogerpesa // Oftal'mologiya. 2019. T.16. №51. S.12-20.
4. Kleshcheva E.A., Kochergin S.A., Sonimskij YU.B. osobennosti diagnostiki i kompleksnyj podhod k terapii gerpeticheskikh keratitov // Oftal'mologiya. 2019. T.16. №3. S.252-258.
5. Juldosheva M.N. Polioksidonij v korrekcii narushenij immuniteta u bol'nyh s gerpeticheskim keratitom //Vrach-aspirant. 2011. T.48. №5.1. S.190-194.
6. Plekhanov A.N., Fomina A.S., Sverkunova O.L., Ivanova YU.V. Autoimmunnye uveity. Obzor // Oftal'mologiya. 2019. T.16. №16. S.5-11.
7. Pronina N.P. Infekcionno-vospalitel'nye processy, privodyashchie k porazheniyu organov zreniya: principy diagnostiki i lecheniya // Spravochnik vracha obshchej praktiki. 2020. №7. S.11-17.
8. Arshad S., Petsogoljuc C., Lee N.et al. 20 years since the herpetic eye disease study lessons, developments and applications to clinical practice // Clin. Exp. Optom. 2021. Vol.104. No3. P.396-405.

SECTION VIII. INFORMATICS AND COMPUTER ENGINEERING

Сальникова Н.А., Реклер Е.Н.

Анализ существующих решений симуляторов зрения

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Ульяновск)

doi: 10.18411/gqws-01-2023-11

Аннотация

В работе приводится анализ эффективности работы симуляторов зрения для людей с ограничениями по зрению, и предлагается разработка системы ориентации в пространстве с помощью звука.

Ключевые слова: симуляторы зрения, устройства акустической ориентации, программное обеспечение, моделирование, виртуальные объекты, навигация, программное обеспечение, приложения.

Abstract

The paper analyzes the effectiveness of vision simulators for people with visual impairments, and proposes the development of a spatial orientation system using sound.

Keywords: vision simulators, acoustic orientation devices, software, modeling, virtual objects, navigation, software, applications.

Всемирная организация здравоохранения считает, что примерно 10% населения планеты имеют нарушения зрения. Проблема незрячих людей повсеместно остается в социальных барьерах, то есть в неразвитости и неприспособленности городских инфраструктур. Традиционные способы решения проблем передвижения и ориентации в пространстве слепых – трость, имплантат, ультразвуковые фонарики. Существуют некоторые альтернативные решения проблемы незрячих людей такие как - vOICE vision, WeWALK Smart Cane. Рассмотрим их подробнее.

Существующим решением проблемы незрячих людей в России являются очки vOICE vision [1]. Решение российской компании имеет свои минусы и плюсы. Основным достоинством такого устройства являются наушники костной проводимости. Но такой функционал, значительно увеличивает стоимость изделия и не каждый незрячий может позволить себе купить решение vOICE vision. Данное устройство имеет и множество минусов, например,

- очки не имеют быстрого процессора, это может давать небольшие отклонения между звуковыми ландшафтами;
- камера очков находится на передней стороне левой ноги, что может изначально вызывать смещение в захвате;
- при изменениях уровня окружающего освещения драйвер камеры забирает несколько кадров для регулировки усиления света, что вызывает задержку в несколько секунд.

WeWALK Smart Cane – устройство турецкого производства, используемое по всему миру [2]. Представляет собой умную белую трость, умеющую обнаруживать препятствия на уровне головы с помощью ультразвукового датчика и предупреждает пользователя вибрацией. Удобной функцией является настройка расстояния обнаружения препятствий от 80 см до 170 см. Компания предлагает бесплатные приложения для Android и iOS устройств, которые позволяют сохранять понравившиеся места. Одним из главных плюсов устройства является навигация – достаточно перечислить нужное пользователю место, для получения пути. Минусы

устройства – не является полноценным средством замены зрения, а лишь указывает методом вибрации путь назначения, неудобная форма – трость, постоянно занятая рука, очень большая цена по сравнению с конкурентами.

DASOBliP – это устройство для акустической ориентации в окружающем пространстве для незрячих людей [3]. Оно представляет собой прототип устройства, предназначенного для поддержки слепых людей при навигации снаружи и внутри зданий при помощи аудио сигналов, которые содержат информацию о дистанции до препятствий в различных точках карты расстояний. Главным плюсом изобретения является его работа на датчике Xbox Kinect, а именно массовое производство таких датчиков сделало доступным для многих покупателей данный продукт. Один из недостатков устройства DASOBliP – его массивность из-за шлема, на который монтированы датчики, процессор, наушники, что делает его весьма неудобным.

Проведем итоговое сравнение существующих решений симуляторов зрения для людей с ограничениями по зрению по следующим критериям:

- возможность бесплатного использования программного обеспечения;
- возможность использование контроллеров с дополнительными датчиками;
- бесплатное обучение работе с системой;
- возможность использования наушников с костной проводимостью;
- новейшее оборудование для установки программного обеспечения.

Результаты проведенного сравнительного анализа вышеописанных решений представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Результаты сравнения существующих решений

Критерий\решение	vOICe vision	WeWALK Smart Cane	DASOBliP
Возможность бесплатного пользования	–	–	–
Контроллеры	–	+	+/-
Бесплатное обучение	–	–	–
Наушники	+	–	–
Новейшее оборудование	–	+	+

После изучения существующих устройств ориентации в пространстве людей с ограничениями зрения было принято решение разработать модель виртуальной реальности, взаимодействие с которой осуществляется пользователем через систему ориентации в пространстве с помощью звука [4, 5].

Программа должна обеспечивать возможность выполнения перечисленных ниже функций:

- представлять объекты виртуального пространства в виде звуковых сигналов, характеристики которых зависят от положения объекта в пространстве относительно пользователя, размера объекта, дистанции до объекта, скорости движения объекта, формы объекта и других;
- громкость звука должна зависеть от удаленности объектов от пользователя в виртуальном пространстве;
- предоставлять возможность «ощупывать пространство» фокусироваться на источниках звука, направляя VR-контроллеры в руках на отдельные объекты, пользователь слышит более громкий звук от данных объектов, характеристики которого также зависят от геометрических форм объектов и от точки наведения контроллера на поверхность объекта;
- моделировать различные виртуальные обстановки, наполненные различными объектами;
- предоставлять возможность пользователю, нажимая на “курор”, слышать название объекта, на который направлен контроллер;

- перемещение пользователя по виртуальной обстановке должно осуществляться с помощью VR-контроллеров, звук передается с помощью наушников.

***

1. Звуковое зрение vOICe vision. Взгляд из тьмы <https://habr.com/ru/post/474576/> (дата обращения 30.11.2022).
2. WeWALK Smart Cane – Smart Cane for the Visually Impaired <https://wewalk.io/en/> (дата обращения 30.11.2022).
3. Device for Acoustic Support of Orientation in the Surroundings for Blind People <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6308681/> (дата обращения 30.11.2022).
4. Сальникова Н.А. Структурирование физических знаний в поисковом конструировании технических систем. // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013. Т. 17. № 14 (117). С. 118-122.
5. Кравец А.Г., Сальникова Н.А. Предсказательное моделирование трендов технологического развития. Известия СПбГТИ(ТУ) №55(81) 2020. С. 103-108.

Collection of Scientific Papers
based on the results of an XIX international scientific conference

General question of world science
January 15, 2023
Vienna, Austria

Signed for printing on 12.01.2023
Printed at the Scientific Center «LJournal»
Chief Editor: Ivanov Vladislav